

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА

Спецназ 43-го года

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин

**Рельсовая война.
Спецназ 43-го года**

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Першанин В. Н.

Рельсовая война. Спецназ 43-го года / В. Н. Першанин — «Яуза»,
2018 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-04-094923-6

...Ранняя весна сорок третьего года. Позади зима — самое тяжелое время, когда в строю отряда спецназа после боев и прорывов из окружения осталось менее двадцати бойцов, обмороженных, не отошедших от ран и контузий. Командир отряда майор Журавлев, бывший начальник пограничной заставы, понимает, что отряд способны возродить лишь боевая активность и тесная связь с партизанами и подпольщиками. С Большой земли вместе с пополнением сбрасывают на парашютах взрывчатку и боеприпасы. Группы диверсантов одна за другой выходят из здания. Взрываются на минах вражеские эшелоны, горит крупная база, где сосредоточены сотни тонн горючего, устраиваются засады на автомобильных дорогах. Спецназовцы вместе с партизанами помогают советской авиации обнаружить и уничтожить крупный засекреченный аэродром. Когда начинается Курская битва, они ведут знаменитую «Рельсовую войну», парализуя движение по железным дорогам.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094923-6

© Першанин В. Н., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Першанин

Рельсовая война. Спецназ 43-го года

© Першанин В.Н., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Хлеб пахнет кровью

Боец диверсионного отряда НКВД «Застава» сержант Пётр Чепыгин осторожно постучал в маленькое подслеповатое окошко крайней избы.

– Кто там? – после недолгого молчания отозвался женский голос.

– Свои.

– Какие свои? Свои дома сидят, – снова после паузы проговорила женщина, лицо которой смутно виднелось сквозь заледеневшее стекло.

А дальше всё покатилося как снежный ком. Бесшумно открылась небольшая дверь в воротах, из неё вынырнули двое, одетые налегке, несмотря на мороз. Несколько шагов, отделяющих ворота от окна, они преодолели за секунды. Сержант-пограничник не успел вскинуть автомат «ППШ», висевший на плече. Его сбил толчком широкоплечий, небольшого роста мужик, в котором Пётр узнал полицая волостного участка Тимофея Качуру.

У Качуры была железная хватка. Крючковатые сильные пальцы вцепились в горло пограничнику. Сразу перехватило дыхание, потемнело в глазах. Петро Чепыгин, далеко не новичок в отряде, побывал в переделках, но сейчас, кажется, непростительно зевнул.

«Только не попадайтесь фрицам или полицаям живыми – отряд погубите!» – так инструктировали всех бойцов, уходящих на задание. И вот пограничника, бойца особого отряда НКВД «Застава», пытались скрутить, захватить как языка.

Второй полицай тянул за ремень автомат. Забирай его к чёрту, «ППШ» сейчас не поможет! Из последних сил, чувствуя, что теряет сознание, Пётр выдернул из-за голенища сапога нож и ударил Качуру. Лезвие охотничьего ножа вошло полицая в ногу выше колена. Качура вскрикнул и ослабил хватку.

Пётр оттолкнул его и едва успел перехватить за руку второго полицая, помоложе, который пытался обрушить на него приклад. Чудес на свете не бывает, и молодой добил бы полузадушенного сержанта. Пуля ударила полицая в грудь, и следом сухо треснул одиночный выстрел «ППШ».

Качура среагировал мгновенно. Вскочил, охнул от боли, шатнулся. Хромая, сумел добежать до ворот и нырнуть в открытую дверь, увернувшись от пуль, пробивших доски. Из заброшенного дома у оврага бежали на помощь товарищу старший сержант Николай Мальцев и двое бойцов.

Из двора, шагах в восьмидесяти, укрывшись за плетнём, открыли огонь начальник волостной полиции Савва Гуженко по кличке Сова и его помощник с ручным пулемётом Дегтярёва. С другого конца небольшой деревушки Озерцы бежали ещё трое полицаяв, стреляя на ходу.

Пулемётчик был опытный. Уже со второй очереди он свалил бойца и мог бы положить всю группу Мальцева, но положение спас снайпер Василь Грицевич. Он вложил пулю в плечо пулемётчику, перебив ключицу. «Дегтярёв» с расщепленным прикладом отлетел в сторону, а тяжело раненный полицай ворочался на снегу и просил:

– Савва, перевяжи... помру.

– Потерпи...

Сменив магазин немецкого автомата «МП-40», главный волостной полицай Гуженко снова стрелял, целясь в Николая Мальцева, с которым ему уже приходилось встречаться.

– Сейчас я тебя, сучара!

Но плотный ивовый плетень крошили автоматные очереди, мешая Гуженко хорошо прицелиться. Одна из пуль, выпущенная сержантом Мальцевым, сорвала с головы начальника полиции шапку-кубанку, вырвав клочок волос и кожи, и опрокинула Савву на снег.

– Начальника убили! – крикнул кто-то, внося сумятицу.

Полиции в дальнем конце улицы, прижавшись к избам, не решались бежать дальше и вели торопливую суетную стрельбу из винтовок.

Старший следователь волостной полиции Тимофей Качура был, пожалуй, единственным, кто не терялся. Не обращая внимания на пробитую ножом ногу, бросил в окно гранату и открыл огонь из винтовки. К нему присоседился ещё один полицейский, находившийся в доме. Он промедлил и сейчас, навёрстывая упущенное, посылал пулю за пулей.

– Ты чего ждал? – передёргивая затвор, закричал на него Качура. – В штаны со страху наложил?

– Не-е... я вас прикрывал. Слишком быстро всё получилось.

Раненный осколками и оглушённый взрывом, Петро Чепыгин пришёл в себя. Выпустил несколько автоматных очередей по окнам, заставив Качуру и полицейского броситься на пол. Оставляя пятна крови на снегу и продолжая стрелять, сумел выбраться из-под огня и добежал до своих.

Николай Мальцев уже понял, что группа угодила в хорошо продуманную засаду. Один боец был убит пулемётной очередью, Чепыгина ранило, а полицейские вели беглый огонь, не жалея патронов.

– Уходим, – коротко приказал старший сержант.

Отход прикрывал снайпер Василь Грицевич. Кое-как донесли на руках до леса тело погибшего товарища и погрузили на сани. Возница подхлестнул лошадь, и группа торопливо зашагала следом. Предстояло сделать круг, чтобы не вывести немцев и полицейских на зимний лагерь отряда.

А в затерянной среди леса малой деревушке Озерцы Савва Гуженко с наскоку перевязанной головой отдавал своим подчинённым торопливые приказы. На площадь перед сельсоветом согнали жителей. В сторону отводили тех, кто подозревался в связях с диверсионным отрядом НКВД и партизанами.

Гуженко, рыжеволосый, широкий в груди и плечах, был хорошо известен в окрестных сёлах. Действовал решительно и безжалостно, не щадя никого. Говорил негромко, словно поучал неразумных детей, но все знали, что словами дело не ограничится.

– Сколько я вас предупреждал? Новая власть пол-России, Украину, Белоруссию в своих руках держит, а германцы народ серьёзный – если пришли, то уже навсегда. Хвалились большевики, что под Сталинградом армию Паулюса разгромили, 90 тысяч в плен взяли. Но война, она такая штука, что и победителям не всегда везёт. Немцы и не скрывали своих потерь, объявили траур, а затем ударили в ответ. Харьков, Белгород снова взяли и продолжают наступать. А вы под ногами путаетесь, с бандитами якшаетесь, хлебом их снабжаете.

Люди переминались с ноги на ногу, ожидая, чем всё закончится. Даже мороз не замечали, с тоской гадая, кого выдернут из толпы.

– Сотрудника волостной полиции на вашей улице убили, помощник мой ранен. Думаете, это вам так пройдёт? Если мы мер не примем, то немцы карательный отряд пришлют, головёшки от деревни останутся.

Отдельно от всех стояла семья Рябовых: хозяин подворья, мужик лет сорока, жена, трое детей и бабка, опираясь на клюку. Гуженко от кого-то узнал, что семья снабжает «лесных бандитов» хлебом. Здесь же, на куске брезента, были разложены «улики»: полмешка муки и ковриги свежесдобитого хлеба.

– Думаете, если вы на отшибе, то мы не докопаемся? – продолжал Гуженко. – Ошибаетесь. Не хотели по-хорошему, будет по-плохому.

Из толпы вывели троих. Прижившегося в деревне красноармейца из окруженцев сорок первого года, колхозного бригадира и беженца из Брянска, у которого не оказалось никаких документов. Предчувствуя недоброе, заплакали бабы. Красноармейца пыталась оттащить в сторону жена-подруга с грудным младенцем на руках.

В голос кричала и упрашивала пощадить мужа жена колхозного бригадира, рядом сбились гурьбой дети. Их оттеснили в сторону, а трое полицейских защёлкали затворами винтовок. Треснул нестройный залп, но упал только один приговорённый. Бригадир сидел на снегу, держась за простреленный бок, беженец озирался по сторонам и просил начальника полиции:

– Пощадите, товарищ...

– Кто тут тебе товарищ? – опираясь на палку, поднял «наган» обозлённый от боли и выпитого самогона Тимофей Качура.

– Отслужу, клянусь! – заглушал остальные крики беженец лет двадцати пяти, чей-то родственник.

– Подожди, не стреляй, – остановил своего помощника начальник волостной полиции. – И чем ты новой власти отслужишь?

Беженец, долговязый парняга, беспомощно оглядывался по сторонам. Он хотел что-то сказать, но боялся угрюмого молчания сельчан. Савва понял, что с ним надо разговаривать отдельно.

– Ладно, отойди в сторону. Тимофей, кончай бригадира. Думал, если партийный, то отсидится, да ещё партизанам помогать будет.

Треснули два револьверных выстрела. Бывший колхозный бригадир сунулся лицом в снег, мелко дёргались в агонии ноги в подшитых валенках. По приказу начальника волостной полиции сожгли два дома и, уходя, забрали с собой Матвея Рябова, беженца и двоих парней. Дом и семью Рябова не тронули, хотя в таких случаях с партизанскими снабженцами расправлялись безжалостно. Сова ничего не делал просто так. После ухода полицейских на жену Рябова обрушилась злость односельчан.

– Вы с партизанами дружбу водите, а убивают наших мужиков.

– И дом ваш не тронули, а два других подворья догорают.

– Нечистое дело...

Когда-то дружная маленькая деревня раскололась на враждебные группы. Плакала родня и близкие расстрелянных мужиков, на семью Рябовых смотрели волком. Люди уже не верили друг другу.

А в камере волостной полиции сначала допросили Матвея Рябова. Шамкая выбитыми зубами, он клялся, спасая семью:

– Силком заставили хлеб печь. Заявились ночью трое с автоматами, грозили избу сжечь.

– Раньше их не видел?

– Нет, ей-богу, нет.

– Посиди в камере, подумай.

Беженец из Брянска, которого приютила деревня Озерцы, оказался слабее. Сломленный угрозой расправы и крепко избитый, он торопливо выкладывал Савве Гуженко всё, что знал. Матвей Рябов уже не первый раз партизан печёным хлебом снабжает. Сосед тайком хранит найденную винтовку, а бабка Дарья сушит для партизан грибы, целебные травы.

– Для партизан или отряда НКВД?

– Кто их разберёт...

Затрещина сбросила беженца Бориса Паскаева с табуретки, а полицейский, помощник Гуженко, добавил кованым сапогом под рёбра и впечатал подошву в промежность. От сильной боли бывший комсомольский работник Паскаев вскрикнул, закрутился по полу.

– Яйца раздавим, чтобы память освежить, – пообещал Савва.

И Боря Паскаев снова выкладывал всё, что знал. Оказалось, что деревня Озерцы неплохо помогала красным диверсантам, снабжала информацией, продовольствием, а жители временами прятали у себя раненых бандитов. Матвей Рябов больше отмалчивался. Его не били, а через пару дней отпустили домой.

– Шагай к семье, – напутствовал Матвея начальник полиции. – Понадобишься – найдем.

Савва сработал, как и хотел. Теперь Рябову не будет веры ни от лесных бандитов, ни от соседей. А когда созреет упрямый мужик, можно с ним снова поговорить.

Борис Паскаев, получивший прозвище Пескарь, был зачислен в полицию и уже через несколько дней «принял присягу». Вместе с молодыми полицейскими расстреливал заложников. Рядом с ним стоял полицейский, который промахнулся, стреляя в Пескаря. Савва Гуженко предупредил:

– Кто на этот раз промахнется, в одну яму с партизанскими приспешниками ляжет.

А между семьёй Матвея Рябова и остальными сельчанами пролегла полоса враждебного отчуждения. В бывшем трактористе Рябове люди видели провокатора. Они больше не верили друг другу, опасаясь новых расправ и предательства своих же соседей.

Разведывательно-диверсионный отряд капитана Журавлёва, сформированный из пограничников на базе 4-го управления НКВД СССР, был заброшен в оккупированную немцами Брянскую область в конце августа 1942 года.

Иван Макарович Журавлёв встретил войну в Прикарпатье, где командовал пограничной заставой. На рассвете 22 июня принял первый бой, а затем более месяца вместе с другими пограничниками пробивался из окружения.

Позже рота, сформированная из пограничников, участвовала в боях за Москву. Принимала участие в контрнаступлении, понесла большие потери, а летом 1942 года Журавлёв и его пограничники прошли ускоренный курс обучения под Истрой. Там готовили специальные отряды сотрудников НКВД и пограничников для ведения разведывательно-диверсионной деятельности в тылу врага.

Отряд получил название «Застава», так как основной костяк его состоял из пограничников. Журавлёв хорошо запомнил встречу с начальником особой группы НКВД Павлом Анатольевичем Судоплатовым. Генерал Судоплатов, не скрывая, откровенно рассказал, что Верховное командование Красной Армии и НКВД не удовлетворены действиями партизанских отрядов.

Организованный ещё в декабре сорок первого года Центральный штаб партизанского движения под руководством секретаря ЦК Компартии Пономаренко разворачивал партизанскую деятельность недостаточно активно. Много говорилось о всенародной борьбе с фашистскими оккупантами, но слова зачастую не подкреплялись реальными делами.

Большинство партизанских отрядов не пережило зиму 1941/42 года. Они были уничтожены или распались после карательных операций немецких спецподразделений и полицейских формирований. Весной и летом сорок второго года вновь развернули борьбу сотни партизанских отрядов.

Однако они столкнулись с хорошо отлаженной системой противодействия. На оккупированной территории была создана сеть комендатур, специальных команд, охранных батальонов. В сёлах и городах действовали волостные, районные полицейские участки, куда пришло немало людей, недовольных советской властью. Полицаи хорошо знали местные условия, вели активную борьбу с подпольщиками и партизанами.

Действия партизан сковывала система круговой поруки, когда в ответ на удары по оккупантам расстреливали и угоняли в лагеря гражданское население. Но тяжёлое положение на фронтах требовало активизации борьбы в немецком тылу.

Через линию фронта перебрасывались отряды НКВД, состоящие из опытных бойцов и командиров. Отряд капитана Журавлёва «Застава» в течение осени и зимы провёл ряд успешных диверсий. Были взорваны и пущены под откос более десятка немецких воинских эшелонов. Устраивались засады на дорогах, уничтожались предатели из числа полицейского начальства.

В феврале сорок третьего года, после разгрома армии Паулюса под Сталинградом, в период наступления Красной Армии, отрядом Журавлёва был взорван железнодорожный мост через Десну. Это был ощутимый удар – мост играл важную роль в переброске немецких частей, бронетехники, артиллерии на южный участок фронта.

Витемский мост, получивший такое название из-за ближнего к нему посёлка Витемля, лихорадочно восстанавливали, однако ремонт закончен ещё не был.

Взорвавшийся на мосту воинский эшелон обрушил коробку моста, одну из бетонных опор, разорвал и сбросил в воду рельсы, шпалы, множество платформ и вагонов с техникой и солдатами вермахта.

Это была дерзкая и смелая операция. Она удалась отряду «Застава» и двум партизанским отрядам ценой больших потерь. За месяц, прошедший после взрыва моста, отряд Журавлёва дважды прорывался из кольца окружения, сменил три временных лесных лагеря и последнюю неделю находился в глухом урочище.

Три десятка бойцов, обмороженные, ослабевшие от ран и голода, ждали группу старшего сержанта Мальцева, посланную за хлебом. Вылазка, как и две предыдущие, закончилась неудачно. Слишком плотно обложили карательные части и полицаи отряд НКВД, который было приказано уничтожить любыми способами.

В землянке капитана Журавлёва собрались командиры, начальник санчасти лейтенант Наталья Малеева, старшина Будько. Последним вошёл заместитель Журавлёва, старший лейтенант Фёдор Кондратьев, проверявший посты. Подвинув комиссара Зелинского, потёр обмороженные в долгих переходах уши и стал сворачивать самокрутку.

– Опять совещаться будем, как тришкин кафтан латать?

Долговязый, широкий в кости и крепкий в плечах, старший лейтенант за последнее время сильно сдал. Сказывались контузия и ранение, полученные при уничтожении Витемского моста, месяц боёв и прорыв из окружений, хроническое недосыпание и ночёвки на морозе. Не лучше выглядели и остальные командиры.

Взводный Николай Мальцев в овчинной жилетке, пристроив поудобнее простреленную руку, о чём-то тихо переговаривался со старшиной Будько.

Вначале, как всегда, докладывала начальник отрядной санчасти, хирург Наталья Малеева.

– Раненых пять человек, двое – тяжёлые. Недолеченных, таких как Кондратьев, Мальцев и другие, ещё человек восемь наберётся. Медикаментов почти нет, марганцовка да флакон зелёнки. Бинты тоже кончились, нательные рубашки на полоски разрезаем.

– Ясно, – кивнул капитан Журавлёв.

– Что вам ясно? – вскинулась Наталья. – Три четверти людей обморожены, а в санчасть не идут. Обязите, чтобы все прошли медосмотр. Афанасий Рымзин пальцы на ноге запустил, гангрена началась. Сегодня два пальца ампутировать буду. Пришлите после совещания двух ребят крепче держать его. Обезболивающих препаратов нет, а спирта всего ничего осталось.

– Я приду помочь, – сказал старшина Будько. – И самогона граммов триста принесу. Больше нет.

– Докладывай насчёт боеприпасов и харчей, Яков Павлович.

Самый старший по возрасту из пограничников Будько коротко изложил ситуацию:

– К ручным пулемётам Дегтярёва и немецкому «МГ-42» по шестьдесят патронов. Для «МГ» как раз на три секунды боя – он двадцать пуль в секунду выпускает. К винтовкам по полторы обоймы. Всю заначку отдал Василию Грицевичу, у него тридцать пять патронов. К автоматам «ППШ» ноль целых хрен десятых. Остатки Коля Мальцев под Озерцами расстрелял. К трофейным «МП-40» тоже близко к нулю. Гранат на весь отряд двенадцать штук, ну и в «наганах»-пистолетах что-то осталось. У меня лично к «маузеру» аж пять патронов.

– Что с харчами?

– Муки с пуд имеется, консервов восемь банок, сушёные грибы и крохи сахара. Главный запас – кобыла Алиса.

– Лошадь я не отдам, – перебила старшину Наталья Малеева. – На чём раненых перевозить? Таня Шестакова, санитарка, с сильной простудой лежит, ходить не может. А ей всего шестнадцать лет, спасать надо девчонку. Рымзин без пальцев тоже далеко не уйдёт.

– Ладно, успокойся, Наталья Сергеевна, – прекращая спор, хлопнул ладонью по столу капитан Журавлёв. – Никто твою лошадь не тронет.

Отряд «Застава», активно сражавшийся всю осень и зиму, насчитывал сейчас три десятка человек. В декабре было семьдесят. Людей можно набрать, желающие в деревнях и райцентре имелись. Большинство из них хорошо проверены. Только сейчас не та ситуация, когда надо увеличивать отряд, обложенный со всех сторон патрулями и засадами.

Размещать новых бойцов негде. Имеются всего четыре землянки. В них с трудом втискиваются свободные от караулов бойцы. В санчасти теснятся вместе раненые, медсёстры, две санитарки и врач-хирург Наталья Малеева.

У кого сохранились силы, долбят яму для пятой землянки, чтобы хоть немного улучшить условия для людей. Но земля промёрзла на метр, топить самодельные печи можно только ночью. И хотя март перевалил на вторую половину, морозы по ночам достигают десяти-пятнадцати градусов. Днём понемногу тает снег, но тепла пока нет. Кажется, что весна не наступит никогда.

Главное – сохранить людей. Уцелевших после боёв, прорыва из окружений, ослабевших от голода, ран и простуды.

Отряд обложен со всех сторон. И хотя точное местонахождение его немцам и полицаям не известно, вражеские мобильные патрули контролируют не только дороги, но и открытые места, тропы, опушки леса. Две последние попытки добраться до надёжных людей в сёлах закончились неудачей.

Недели полторы назад с Большой земли сбросили грузовые парашюты. Немцы засекли сигнальные костры, и весь груз – медикаменты, боеприпасы, продовольствие – достался им. Все надеялись на группу Николая Мальцева, но опытный и предусмотрительный пограничник попал в засаду. Видимо, старший сержант сделал ошибку, что-то не предусмотрел.

Озерцы, затерянное в глуши сельцо, снабжавшее отряд продовольствием, было потеряно.

– Запугали людей, – угрюмо объяснял Мальцев. – Даже сигнал опасности не сумели подать. Два дома сожгли, а в следующий раз всю деревню обещали спалить. Я уже не говорю про расстрелянных и угнанных в районную тюрьму.

– Поторопился ты, Николай, – жёстко обронил особист Виктор Авдеев. – Ведь в Озерцах вас больше десятка полицаяев поджидали, можно было их вычислить.

– Можно, но не получилось.

Остальные командиры промолчали. Только поёрзал на лавке и оставил за собой последнее слово комиссар отряда старший политрук Илья Зелинский.

– Это не оправдание. Получилось, не получилось. Люди на постах от слабости прямо на морозе засыпают. Ещё дня два-три – и...

– Хватит, – перебил политрука капитан Журавлёв. – Все мы умны задним умом. Надо решать, что дальше делать.

– Патроны срочно искать, – со злостью обронил Фёдор Кондратьев. – Мы же, по сути, безоружные. Гуженко Савва обещал коменданту, пока снег лежит, выследить нас и прикончить. Во все деревни дорога перекрыта. А без патронов мы ничего не сделаем, перебьют нас полицаи, как куропаток.

Перебирали разные варианты. Заманчиво выглядела мысль сделать ночью налёт на хлебопекарню в селе Вязники. Там можно было разжиться не только хлебом, но и мукой, сахаром, маслом. Пекарня, а по сути – небольшой хлебозавод, снабжала хлебом немецкие и полицейские гарнизоны. По имеющимся сведениям, там ежедневно выпекалось триста-четырееста килограммов хлеба, изготавливали даже сдобные булки, сушили сухари для патрульных отрядов.

Но пекарню охранял усиленный полицейский пост с пулемётом, а неподалёку располагался немецкий гарнизон. В декабре отряд «Застава» совместно с партизанскими отрядами «Сталинцы» и «Смерть фашизму» нанесли чувствительный удар по немцам и полицаям, освободили более двадцати арестованных из подвалов волостного полицейского участка.

Давно это было. Отряд НКВД «Застава» ослабел после зимних боёв и понесённых потерь. «Сталинцы» тоже затаились в глубине леса и сидели без боеприпасов. Конная группа «Смерть фашизму» вестей о себе не подавала, видимо, им тоже приходилось туго.

Совещание командного состава закончилось неожиданно. Ни к какому единому решению не пришли. Затем особист Виктор Авдеев что-то шепнул на ухо капитану Журавлёву. Тот недоверчиво покачал головой, но приказал остаться своему заместителю Кондратьеву и старшему сержанту Николаю Мальцеву, а остальным заниматься текущими делами. Это неприятно кольнуло самолюбие политрука Зелинского.

– Я думал, что в трудную минуту место комиссара рядом с командиром.

– Если в бою, то правильно мыслишь, а мы тут просто потолковать решили. Не надоели тебе эти совещания? Включайся лучше в строительство новой землянки. Помоги людям советом и делом.

– Поработай киркой или ломом, значит? – не унимался Зелинский. – Вот, оказывается, для чего комиссар нужен!

– Иди, Илья Борисович. Не тяни время.

Разговор, который состоялся в узком кругу, имел важное значение для судьбы ослабевшего отряда и требовал секретности. Особист Виктор Авдеев через надёжного человека получил предложение от полицая Вяземского волостного участка Бусыгина Григория. Тот просил встретиться с командиром отряда или заместителем, обещал помочь продовольствием, боеприпасами, заверяя о своём желании бороться с немцами.

Старший лейтенант Авдеев коротко изложил сведения о полицае и его семье. Григорию Бусыгину было сорок три года, имел четверых детей. Старший сын служил в Красной Армии. Григория вместе с другим сыном призвали в начале войны, но вскоре оба вернулись в село. Рассказывали, что угодили в окружение.

Их подметил известный на всю округу своей жестокостью начальник волостной полиции Шамраев и записал в полицаи. Отказаться ни отец, ни сын не посмели – Шамрай пригрозил, что отправит обоих в лагерь, а младших дочерей (пятнадцати и семнадцати лет) на принудительную работу в Германию.

Старший Бусыгин вскоре вошёл во вкус новой службы, полагая, что война немцами выиграна. Считался исправным полицаем, прошёл проверку, участвуя в расстрелах заложников. Это позволило ему сколотить крепкое хозяйство и жить куда лучше, чем в колхозе. Двадцатилетний сын Никита службы своей стыдился, грозил убежать к партизанам, но дальше слов дело не шло.

Всё резко изменилось после взрыва Витемского моста через Десну. Шли массовые расстрелы заложников, запугивание населения. На реке выдолбили большую полынью и несколько дней подряд свозили туда людей, подозреваемых в связях с отрядом НКВД и партизанами.

Глядя, как сбрасывают в воду штыками подростков, стариков, простых крестьян, Никита отказался принимать участие в казни. Эсэсовский офицер без всяких уговоров выстрелил в парня и приказал кинуть его в полынью.

Григорий Бусыгин бросился было вслед за сыном, но его схватили за руки. Новый начальник волостной полиции Гуженко Савва, вращая круглыми, как у совы, глазами, предупредил подчинённого:

– Хочешь, чтобы всю твою семью сюда привезли? Вашим и нашим служить не получится. Иди выпей водки, у нас ещё работы много.

Григорий пил несколько дней подряд, затем кое-как пришёл в себя. Он ненавидел весь мир, а больше всех – немцев и своих братьев-полицаев. Так родилась мысль связаться с командиром отряда НКВД, отомстить немцам и спасти свою семью в случае победы Красной Армии.

До Сталинграда об этом мало кто задумывался, но разгром Паулюса и наступление наших войск заставили многих пересмотреть ситуацию.

– Ты сам этому Бусыгину веришь? – спросил Авдеева после короткого молчания капитан Журавлёв.

– Верю, – ответил особист. – Не тот у него настрой, чтобы шпионские игры затевать.

Было решено, что на встречу с полицаем пойдут старший лейтенант Авдеев и сержант Мальцев. Прикрывать их будет снайпер Василь Грицевич.

– Рискованное дело, – покачал головой Журавлёв. – Я этим гадам ни на грош не верю, но выхода нет.

– Бусыгин обещал привезти продовольствие и кое-что из медикаментов, – сказал особист Авдеев. – Есть смысл рискнуть.

Встреча состоялась ранним утром на глухой лесной дороге километрах в восьми от села Вязники. Григорий Бусыгин, крепкий рослый мужик с винтовкой за плечами, приехал вместе с женой на загруженных санях. Вышел на условленное место, потоптался, не спеша закурил.

– Если бабу с собой взял, вряд ли в засаду нас решил заманить, – сказал Авдеев. – Василь, никого в твою оптику не видно поблизости?

– Всё спокойно. Но я его на прицеле постоянно держать буду. Если что, с двухсот шагов не промахнусь.

– Пошли, Николай, – кивнул особист сержанту Мальцеву.

Когда приблизились к полицая, старший лейтенант сразу предупредил его:

– Если что не так пойдёт, ни жену, ни дочерей не пощадим. У нас к полицаям большой счёт накопился. И полынью возле моста помним, и наших ребят, на телеграфных крючьях повешенных.

Но Бусыгин оказался не из робкого десятка:

– Ты свои угрозы в задницу засунь. Я пришёл, чтобы предложить помощь, а не языком болтать. В санях лежит баранья туша, сала солёного с полпуда, хлеб, сахар, ещё кое-какие харчи. Из медикаментов бинтов сумел достать, йода, аспирина. Бидон мёда для раненых тоже не лишний будет. Патронов винтовочных триста штук привёз и восемь брусков тола. Может, закурите? – протянул Бусыгин объёмистый кисет.

Закурили, молча поглядывая друг на друга. Туго с куревом в отряде. Люди мох сушат и сигарки из него вертят. Никакого удовольствия, только кашель и горечь во рту.

– Не боялся, что свои перехватят? – спросил полицая Авдеев.

– Весь страх возле полыньи остался, куда сына бросили. Живой ещё был, а его под лёд прикладами.

– Помощь примем, – отрывисто проговорил особист. – Что просишь взамен?
– Справку с печатью и подписью, что сотрудничаю с диверсионным отрядом НКВД. Хочу семью обезопасить, когда наши придут.

– И себя заодно...

– Считайте как хотите, – отмахнулся Бусыгин.

– Ну, за своего барана и пару пудов харчей никакого документа ты не получишь.

– А что ещё надо?

– Полная информация о вашем полицейском участке и немецком гарнизоне в Вязниках. Хлеб, продукты, боеприпасы.

– Через неделю соберу что смогу и привезу на это же место. Кстати, в санях табак для вас припасён и четверть самогона. Может, выпьем?

– Подгоняй сани. Только жена твоя пусть там постоит.

Перегрузили харчи на единственные оставшиеся в отряде сани, закреплённые за лазаретом. Выпили по сто граммов самогона, закусив свежеспечённым хлебом.

– Пару лошадей сможешь раздобыть? – спросил Авдеев.

– Сам не смогу. Нет возможности. Но два раза в месяц из Вязников в райцентр начальник полиции отправляет небольшой обоз с харчами. Обычно на трёх санях, ну и охрана человек пять с пулемётом. Ещё сопровождают двое верховых, чаще всего Тимоха Качура или сам Гуженко.

– Ну, Качура теперь не скоро в седло сядет, – усмехнулся Авдеев.

– Не скоро, – мрачно подтвердил полицейский. – У него от вашего ножа воспаление пошло, увезли в райцентр. Перед этим приковылял к одному из окруженцев. Тот в селе прижился, а в полицию вступать отказывался. Палкой его бить стал, жена вступилась, толкнула Тимоху. Тот выпивши был, «наган» достал и ноги ему перебил, весь барабан выпустил. Мол, помучайся, как я. Красноармеец к вечеру умер. Вот такие дела...

– Доиграетесь вы все, сволочи! – сплюнул Авдеев. – Когда обоз пойдёт?

– Дней через пять. Завтра-послезавтра сообщу точнее. А справку когда выдадите?

– Выдадим... Автоматные патроны на складе у вас есть?

– Есть немного, но туда не подступишься. Цинк с винтовочными патронами я ещё прошлой весной нашёл.

– Постарайся достать хотя бы сотню-другую патронов к «ППШ».

– Попробую.

На том и расстались. Настроение немного улучшилось. После нескольких неудачных попыток добыть продовольствие и медикаменты удалось хоть что-то достать.

Люди жадно втягивали запах печёного хлеба, смотрели, как переносят куски сала, картошку, муку. Отрядный врач Наталья Малеева бегло перебирала медикаменты. Мало, но хоть что-то. Тем более Авдеев обещал достать ещё.

Иван Макарович Журавлёв обходил лагерь. Землянки вырыты кое-как, бойцы не бриты, обмундирование рваное. Бритьё придётся отложить, лица у большинства обморожены. Одежду надо приводить в порядок, неряшливость ведёт к расхлябанности. Но прежде всего людей надо хоть немного подкормить.

Горячее сварят, лишь когда стемнеет. А пока старшина Будько с помощником режет кусочки хлеба, добавляя к каждой порции тонкую пластинку сала. Раненым сумели на крошечном костерке вскипятить чаю. Чай с мёдом... но некоторым он уже не поможет.

С Большой земли пришла шифрограмма. В связи со сложным положением на южном участке фронта и захватом немцами Харькова провести диверсии на железной дороге. В первую очередь подрывать воинские эшелоны, идущие по направлению к городам Сумы, Белгород, Курск, Харьков.

Солидный список. Противотранспортных мин не осталось. Погиб при взрыве Витемского моста лучший сапёр отряда Степан Пичугин, награждённый орденом Красного Знамени. Заместитель командира отряда Фёдор Кондратьев возглавил группу сапёров, наполовину состоящую из новичков.

Ночью на костре выплавляли тротил из гаубичных головок. С трудом притащили бомбу-полусотку. Жутко было смотреть, как раскаляется стальная чушка и начинает стекать в банки жидкий тротил. Если рванёт, то троих сапёров и старшего лейтенанта Кондратьева разнесёт в клочья.

Обошлось, хотя понервничали изрядно. Долго, очень долго, на ровном огне раскаляли бомбу. Не выдержала металлическая подпорка, чушка свалилась в огонь, и загорелся выплеснувшийся тротил. Кондратьев, прожигая насквозь брезентовые рукавицы, выдернул бомбу из огня.

Согнулся от боли, сунул руки в снег. Его отвели в санчасть, налили самогона, перевязали обожжённые ладони.

– Ладно, ерунда, – морщился долговязый заместитель командира отряда. – Сам виноват.

На следующую ночь (взрывчатку выплавляли только ночами) случилась уже не ерунда. Один из молодых бойцов взялся самовольно вывинчивать взрыватель из 45-миллиметрового снаряда. Сержант, командир отделения взрывников, недосмотрел, парень возился с небольшим снарядом в стороне.

Взрыв ударил коротко и звонко, сверкнула вспышка.

– Ой, маманя... спаси.

Шёпот смертельно раненного парня отчётливо прозвучал в наступившей тишине. Сержант Андрей Постник подбежал к бойцу. У него были оторваны кисти рук, осколки изрешетили лицо и верхнюю часть тела. Попытались остановить кровь, прибежала врач Наталья Малеева, но так и застыла на месте. У девятнадцатилетнего бойца начиналась агония.

– Ты, Андрей, башкой что-нибудь соображаешь? – кричал прибежавший на шум полудетый капитан Журавлёв. – Ведь приказывал лично боеприпасы разряжать.

– Недосмотрел, – хмуро отозвался сержант. – Виноват, готов нести ответственность.

– Ладно, не шуми, – осадила капитана Наталья. – Ну-ка, Андрей, покажи голову. Да он тоже контужен... пойдём в санчасть.

На очередной встрече с Авдеевым Бусыгин явно нервничал. Рассказал, что его выезд из села не прошёл мимо внимания начальника полиции Гуженко Саввы.

– Уставился своими круглыми зенками и допытывался – куда да зачем ездил. Едва отбрехался, что продукты на барахло менял.

– Поверил тебе Гуженко?

– Вроде бы. Я на хорошем счету у него. Пришлось золотые серёжки сунуть. Но теперь мне трудно не замеченным из села отлучаться. Савва мужик подозрительный. Сам следит и доверенных людей посылает.

– Когда обоз на Вязники пойдёт?

– По всем признакам послезавтра.

– Тебя в составе охраны не пошлют? – спросил Авдеев. – А то подстрелим ненароком.

– Не должны. Я на дежурство по участку заступаю старшим смены. Старших обычно не дёргают на другие дела.

– Заболей, если что, – посоветовал Авдеев. – И лучше, если сегодня же кашлять начнёшь.

– Заботливый ты, – не сдерживаясь, съязвил Бусыгин. – Справку мне приготовили?

– Приготовили, но пусть она лучше у нас пока постоит.

Обстановка в отряде «Застава» понемногу улучшалась. Продукты, которые дважды привёз Бусыгин, пришлись очень кстати. Ящик патронов и выплавленная взрывчатка помогли организовать засаду на железной дороге. Кондратьев и сержант Постник изготовили две мины.

Одна не сработала. Зато вторая рванула удачно, сбросив с насыпи паровоз и штук двадцать платформ и вагонов, перевозивших в направлении Харькова артиллерийскую часть.

Под откос летели платформы, сминая и расплющивая 75-миллиметровые противотанковые пушки, автомашины, тягачи, вагоны с орудийными расчётами. Один из пассажирских вагонов раскачивался на искорёженных рельсах. Из него выскакивали артиллеристы – с комфортом катили на фронт! Кто-то торопливо спрыгивал вниз, другие медлили, глядя на мешанину смятых платформ, перевернутые тягачи и пушки.

Горел паровоз, выбивалось пламя разлитой солярки, детонировали снаряды на горячей зенитной платформе, раскидывая в стороны шипящие гильзы. Качавшийся вагон перевернулся и полетел вниз, сминая и тех, кто успел выскочить, и тех, кто промедлил, оставшись внутри.

Две трети эшелона застыли на насыпи. Часть рельсов и шпал вывернуло резким торможением, колёса глубоко увязли в щебёнке. Артиллеристы задирали головы: если появятся русские самолёты, они добьют полк. Но самолётов в начале сорок третьего года у нас ещё не хватало, а с платформ и окон вели беспорядочную стрельбу по «лесным бандитам». Комендант эшелона стрелял из пистолета по заснеженным деревьям и выкрикивал, мешая русские и немецкие ругательства:

– Швайне хунде, свинские собаки! Они бьют из-за угла, их всех надо вешать, сжигать!

Группа Кондратьева торопливо скользила на лыжах по твёрдому мартовскому насту. Весеннее солнце ярко светило на голубом небе. Операция прошла удачно и без потерь. А скоро весна, и отступит эта бесконечно долгая зима.

Рация отряда «Застава» отстучала на Большую землю результаты диверсии: «Противотанковый артиллерийский полк потерял полтора десятка орудий, более сотни убитых, раздавленных, покалеченных солдат и офицеров, едва начав свой путь к фронту. Шлите мины и батареи для радиостанций. Нужны сапёры и медикаменты для раненых».

После удачной операции можно смело просить помощь – не откажут. Группа старшего лейтенанта Кондратьева сработала чётко. Но война во вражеском тылу полна опасностей и неожиданных поворотов.

Следующая операция – налёт на продовольственный обоз – обошлась куда дороже, чем ожидали.

Начальник Вяземского полицейского участка Савва Гуженко отслужил в Красной Армии ещё в начале тридцатых годов. Вернувшись домой, не узнал собственного подворья. Исчезла почти вся живность – конь, корова, овцы. Куда-то подевался хороший инвентарь – жнейка, плуги, сепаратор.

– А это, сынок, колхоз называется, – разъяснил бывшему кавалеристу пьяненький, заметно опустившийся отец, в прошлом – крепкий хозяин.

Отбывал трёхлетний тюремный срок старший брат, кинувшийся в драку, когда активисты уводили верного помощника семьи коня Гнедко. По опустевшему двору бродили несколько кур да радовался возвращению Саввы дворовый пёс. Мать плакала: «Вот так мы теперь живём».

Отец числился конюхом в колхозе «Верный путь» и хорошо запивал, переживая за порушенное хозяйство и старшего сына. Деревня, как и колхоз, хирели, а у Саввы расстроилась свадьба с невестой. «Чего с нищетой родниться?» – решили её родители.

Бывший кавалерист Савва Гуженко, крепко сбитый, с жёлто-зелёными глазами хищной птицы, сжав зубы, внимательно осматривался вокруг. На предложение пойти работать, как и отец, конюхом, ответил невнятно.

Затем из деревни исчез, прихватив отощавшего Гнедко. Несколько лет бродяжничал, похоронил коня и осел в городе, где женился и обзавёлся двумя детьми.

Когда призвали в сорок первом году в армию, Савва негромко пообещал:

– Ну, я вам навоюю, мать вашу так...

Хотел сдать немцам в плен, но те его опередили, захватив кавалерийский полк, не устоявший против германских танков. Отсидел сколько-то в лагере, затем записался в полицаи, где проявил себя верным помощником новой власти.

Не уклонялся, когда поручали расстреливать евреев или коммунистов. Летом сорок второго года в бою с партизанами был ранен. Пока лечился, съездил в родную деревню. Отец к тому времени сгорел от водки, мать померла, старший брат находился неизвестно где. Малышню забрали лет восемь назад в детский дом, искать их Савва не собирался, начисто перечёркивая неудавшуюся прежнюю жизнь.

Оглядел родительский дом, где жили беженцы, и приказал им выметаться на улицу. Старший из беженцев, работавший учителем в школе, полез было в спор. Гуженко, не слезая с седла, свалил его с ног ударом нагайки и поджог дом.

Самовольство сошло ему с рук, а после нападения отряда Журавлёва на полицейский участок в Вязниках Савва был назначен начальником участка.

Готовя продовольственный обоз в райцентр, Гуженко учёл, что подступившее тепло вот-вот вскрыет речки. Низины были полны талой воды, а дороги скоро станут непроезжими. Чтобы не угодить в бездорожье, Савва подготовил усиленный обоз на пяти санях, а в число дополнительной охраны включил ещё троих полицаев. В том числе и Григория Бусыгина, вооружив его ручным пулемётом.

Колесо закрутилось, и остановить его времени уже не оставалось. Сгоряча Григорий хотел было послать к особисту Авдееву свою жену, чтобы отряд отменил операцию. Но Савва, как всегда в таких случаях, обложил село патрулями, чтобы предотвратить утечку информации.

Бусыгин чистил пулемёт, проверял диски и с тоской размышлял, что судьбу не перехитришь. Попытка срочно заболеть не сработала.

– Не дури, – осадил его Савва. – С нас башку снимут, если мы вовремя жратву освободителям не привезём. Я лично обоз возглавлю. – Помолчал, сузил хищный пронзительный взгляд. – А с чего ты приболеть решил? Может, что-то знаешь? Говори, не тушуйся, вместе думать будем.

У Бусыгина молотило в груди сердце, вывалилась из пальцев пружина к «дегтярёву». Неужели разнюхал Савва про его встречу с особистом?

– Ссыте вы все после Сталинграда? – повернул разговор в другую сторону Гуженко. – А я ведь тебя собираюсь старшим следователем назначить. Мне надёжные люди нужны, а то некоторые трясутся, боятся всего. Поздно бояться, понял, Гриша?

– Понял, чего не понять, – с трудом взял себя в руки Бусыгин.

– Заднего хода для нас нет. Нас даже стрелять не станут, а развесят на столбах сушиться. Молодец, что пулемёт старательно готовишь. Он пригодится, чую...

О том, что полицейский обоз более крупный, а охрана усиленная, в отряде не знали. Не знали и того, что вместе с обозом поедет вездеход из немецкого гарнизона в Вязниках решать в райцентре свои дела. Получается в придачу к двенадцати полицаям четверо немцев. И вооружение у врага сильнее. Два «дегтярёва» у Гуженко с его компанией, скорострельный «МГ-42» за щитком вездехода «Штёвер» плюс автоматы.

Журавлёв сумел выделить для засады лишь четырнадцать бойцов во главе с особистом Авдеевым и старшим сержантом Мальцевым. В группе находился также снайпер Василь Грицевич, несколько опытных пограничников и местные парни, принятые в отряд осенью и зимой.

Имелись два ручных пулемёта, но к автоматам «ППШ» патронов не оставалось. Почти не было гранат, необходимых в бою из засады. Их заменяли несколько самодельных бомб, изготовленных опытным сапёром Андреем Постником, не слишком надёжных и требующих большой осторожности.

Как бы то ни было, а ранним мартовским утром группа заняла заранее присмотренное место на обочине дороги. Лес был окутан туманом. Ночной мороз быстро слабел, а вскоре пробило пелену тумана яркое тёплое солнце.

По обочинам стекали вдоль дороги талые ручьи, снег сделался вязким, напитанным влагой. Брюки и телогрейки намокли. Сырость заставляла людей шевелиться, подкладывая под себя хвою. Хорошей маскировки не получалось. Сержант Мальцев шёл вдоль цепочки бойцов и предупреждал:

– Головы не высовывать. Павел, а ну ложись.

Семнадцатилетний боец Паша Шестаков, топтавшийся возле сосны, снова опустился в снег.

– Скоро эти гады появятся? Насквозь промок.

– Затвор проверь. Только не щёлкай.

Старший лейтенант Авдеев в очередной раз протёр бинокль, высматривая окрестности, и вдруг услышал посторонний звук. А через несколько минут разглядел двоих всадников.

– Отделение, к бою, – раздалась негромкая команда.

Бывший кавалерист Красной Армии, а теперь начальник волостной полиции Савва Гуженко тоже разглядел засаду. Вместе со своим помощником они застыли в ста шагах от лежавших вдоль дороги «лесных призраков». Савва сразу угадал, что это люди из диверсионного отряда капитана Журавлёва, который безуспешно пытались уничтожить всю зиму.

Виднелись маскхалаты, блеснула звездочка на красноармейской шапке, а в сторону всадников уже разворачивался ручной пулемёт. Сто шагов в редком сосновом лесу – не расстояние для опытного пулемётчика из отряда НКВД. Свалит вместе с лошадьми одной точной очередью.

Гуженко понял, что немецкий лейтенант, начальник гарнизона, приказавший ему лично возглавить разведку, загнал Савву в тупик. Одно резкое движение, и в их сторону обрушатся пулемётные и автоматные очереди. Гуженко не знал, что автоматов у бойцов отряда нет, а половина засады – новички.

В любом случае они ждут обоз и стрелять раньше времени не станут.

– Двигай потихонечку дальше, – шепнул он помощнику. – И не дёргайся.

Молодой полицай кивнул, а Савва, тронув поводья, лихорадочно размышлял, что делать дальше. Рвануть прочь на полном скаку и дать сигнал тревоги? Не получится. Своих людей и немцев они предупредят, но живыми уйти не сумеют.

Если лейтенант, начальник гарнизона уцелеет, он не простит Савве трусости. Впрочем, Гуженко трусом никогда не был. А немецкий лейтенант с его Железным крестом, присланный в Вязники после ранения, не рисковал соваться в мрачный русский лес, а «полудиких азиатов» презирал. Прежний комендант, хоть и не имел Железного креста, был решительнее и умнее, но погиб в бою с партизанами.

Придётся рисковать, чтобы спасти обоз и этого сраного лейтенанта. Савва взвёл курок ракетницы. Автомат «МП-40», подаренный ему за верную службу, был снят с предохранителя. Но обстановка вдруг изменилась.

Полицай Григорий Бусыгин, сидевший на передних санях с пулемётом Дегтярёва, тоже увидел засаду. Возможно, неосторожно высунулся кто-то из молодых бойцов, но возница (тоже из полицаев) отчаянно закричал:

– Партизаны!

И стал разворачивать сани. Пуля снайпера Грицевича угодила ему в грудь. Тяжело раненый полицай рванул поводья. От толчка вывалился на дорогу, а лошадь понесла сани и застряла в промоине.

Молчавший до этого лес мгновенно ожил. Выпустил ракету и, соскочив с коня, открыл огонь из автомата Савва Гуженко. Григорий Бусыгин спрятался за мешок с зерном. Пули разорвали мешковину, из дырок посыпалась пшеница. Пулемётчик взял на прицел Бусыгина, очередь перебила ногу.

Савва Гуженко, меткий стрелок, достал пулемётчика точной очередью. Вместе с помощником они посылали пули в спины бойцов. Помощника свалил Николай Мальцев. Напуганные лошади без седоков неслись по лесу, ударил из «дегтярёва» Григорий Бусыгин.

Сейчас он уже забыл, что переметнулся к красным. С перебитой ногой, лёжа на мешках с зерном, Бусыгин лихорадочно опустошал диск. С трудом зарядил новый. Боль от перебитой под коленом кости пронизывала тело, выжимая холодный пот. Он нажимал на спуск, проклиная всё на свете, и отдача приклада заглушала боль. Бусыгин достал очередью бойца, стрелявшего в него из винтовки, и закричал:

– Я вас всех здесь уложу...

В полиция стреляли сразу несколько человек, разорвали кожух на плече, но судьба пока берегла этого человека, пытавшегося выжить любой ценой.

Молодой немецкий офицер вырвался вперёд на вездеходе «Штёвер» и посылал длинные очереди из скорострельного «МГ-42» по вспышкам. Лейтенант хотел отличиться, показать свою решимость. Ведь он практически не успел повоевать и принял участие лишь в нескольких карательных операциях.

Пули, звякая, пробили борт вездехода, машина не была бронирована. Уронил автомат и зажал рану на шее один из солдат, а водитель дал полный газ, понимая, что они угодили под плотный огонь. Надо вырваться из этого кольца, пока не поздно.

Старший сержант Мальцев поймал в прицел скользящую по склону машину. Пуля ударила в каску водителя, сорвала с головы и оглушила его. Опытный шофёр сумел удержать руль, но скорость открытого сверху вездехода замедлилась. Лейтенант лихорадочно перезаряжал ленту, но никак не мог справиться с затвором. Когда он наконец захлопнул его и дал новую очередь, машина остановилась.

Снайпер Василь Грицевич потерял её из вида, мешал бугор. Он побежал к краю обрыва, но едва не угодил под автоматную очередь начальника полиции Саввы Гуженко и вынужден был залечь, чтобы не попасть под пули.

Лейтенант продолжал стрельбу. Он неплохо освоил пулемёт в училище и достал светящейся трассой ещё одного русского диверсанта в маскхалате. Сверху полетела самодельная граната. Но пока догорал бикфордов шнур, очнувшийся водитель, сжигая сцепление, дал полный газ. Взрыв ударил метрах в десяти, не причинив вездеходу вреда.

Бой складывался не в пользу группы Авдеева. Она оказалась зажатой между вездеходом с его скорострельным «МГ-42» и основной группой полицаев. Они не лезли вперёд и вели беглый огонь из ручного пулемёта и винтовок – патронов хватало. Савва, потеряв помощника, стрелял с тыла, сумев тяжело ранить сержанта-пулемётчика и разбить гранатой его «дегтярёв».

– Все в атаку! Добить краснопузую сволочь!

Но попытка начальника полиции атаковать понесшую потери группу не увенчалась успехом. Старший лейтенант Авдеев и большинство его людей имели достаточный опыт. Был убит помощник Саввы, ранены ещё двое полицаев.

Понимая, что им не удержаться против более многочисленного и хорошо вооружённого врага, Авдеев дал приказ на отход.

Николай Мальцев добежал под огнём до застрывших в кювете саней и с помощью подоспевшего Паши Шестакова вытащил сани вместе с лошастью. На мешках с зерном лежало окровавленное тело полицаев Бусыгина. Чтобы облегчить груз, сержант толкнул бывшего союзника на дорогу, а Паша Шестаков выдернул из его кобуры «наган» и выстрелил в полицаев.

Группа сумела уйти, оставив двоих погибших товарищей. Ещё один боец отряда «Застава» умер от ран по дороге. Пятеро, в том числе старший лейтенант Авдеев, были ранены.

В санях, отбитых у полицаев, оказались четыре изорванных пулями мешка пшеницы и ручной пулемёт, из которого стрелял, спасая свою жизнь, Бусыгин.

Раненых срочно оперировали, но, не приходя в сознание, скончался сержант-пулемётчик. А на ручной мельнице перемалывали бурую от крови пшеницу. Людей надо было кормить. Почему испечённый из этой муки хлеб горчил, никто не спрашивал.

Глава 2

Отряд «Застава» наносит удары

Капитан Журавлёв обошёл в очередной раз лагерь, побывал в санчасти и собрал в штабе узкий круг людей, с которыми он мог говорить откровенно, без громких слов и ненужных призывов. Вокруг самодельного стола сидели Фёдор Кондратьев, Виктор Авдеев, Николай Мальцев и старшина Яков Будько.

– Я получил шифрограмму с приказом об активизации боевых действий отряда. В категорической форме предписано осуществлять не менее двух диверсий в неделю на железной дороге, подрывать воинские эшелоны, устраивать засады на пути движения автотранспорта, передавать информацию о дислокации немецких частей, аэродромов, складов горючего и боеприпасов. Приказ – это закон для нас. Но дело в том, что отряд «Застава» как боевая единица в настоящее время не существует.

Повисло молчание. В землянке клубился махорочный дым, кто-то шаркал сапогами, особист Авдеев невозмутимо перелистывал свой блокнот. Все ждали, что ещё скажет командир. Хорошо, что отправили в одну из деревень проводить митинг комиссара Зелинского. Он бы непременно вскинулся и перевёл откровенный деловой разговор на политические лозунги.

– Нас осталось двадцать шесть человек, включая санчасть, раненых, обмороженных и недавно принятых бойцов, не имеющих опыта. Как они воюют, наглядно показала засада возле села Вязники.

– Не так плохо и дрались, – возразил старшина Будько. – Четверых полицаев и одного фрица ухлопали. Лейтенанта, командира гарнизона, хорошо подранили. Вездеход ихний, весь издырявленный, на ремонте стоит. Зерном, картошкой разжились, пулемёт захватили...

– Брось, Яков Павлович, – отмахнулся капитан Журавлёв. – Это не уровень особого отряда НКВД. Так, кулаками машем да в глуши отсиживаемся. В строю остались тринадцать человек. Это что – отряд?

– Что ты конкретно предлагаешь, Иван Макарович? – спросил особист Авдеев.

В его голосе звучали жёсткие нотки.

– Ну, уж не лапы складывать. А для начала поздравить Николая Мальцева. Приказом наркома внутренних дел ему присвоено звание «лейтенант».

В землянке поднялся шум. Кто-то поздравлял его, Кондратьев предлагал сегодня же обмыть такое дело. В войсках Красной Армии (это же касалось и ведомства НКВД) вместо прежних знаков различия – петлиц, «кубарей» и «шпал» – были уже введены погоны и звёздочки. До отрядов НКВД, воевавших в немецком тылу, это нововведение ещё не дошло.

– Цепляй пока петлицы с «кубарями», – сказал Фёдор Кондратьев. – У меня запасные есть.

Шум понемногу утих, а Журавлёв уже перечислял мероприятия, которые были частично подготовлены, а другие предстояло срочно осуществлять.

– С Большой земли обещали в ближайшую неделю сбросить с парашютами группу подрывников, сапёров, радиста и дополнительно врача-хирурга. Обещали также сбросить мины и тол для диверсий на железной дороге, медикаменты и патроны к автоматам «ППШ». Кондратьев, позже обсудим с тобой время и место приёма груза.

– Есть! – вытянулся долговязый заместитель командира. – Нужно дело, а то у нас всего два сапёра на весь отряд остались.

– Старшему лейтенанту Авдееву и лейтенанту Мальцеву представить мне список добровольцев, которых планируем в ближайшее время принять в отряд. Люди, надеюсь, проверенные?

– Проверенные, – кивнул Авдеев. – Давно уже ждут.

– Условие такое. Все должны иметь оружие и запас продовольствия на неделю. Далее...

Журавлёв коротко перечислял мероприятия по укреплению отряда, ставил конкретные задачи. Позже пригласили сержантов Грицевича, Постника, Чепыгина – опытных пограничников, которые тоже получили задания.

Отряд, с большими потерями переживший зиму, зашевелился, как улей. Все понимали, что период временного затишья кончился.

Авдеев и Мальцев привели через пару дней первое пополнение, девять человек из числа бывших красноармейцев, комсомольцев, которым грозил угон на принудительные работы в Германию. Они выстроились перед командирской землянкой.

Особист и Николай Мальцев подготовили пополнение неплохо. Все девять человек были одеты в телогрейки или тёплые куртки. Обувь хоть и подштопанная, но на первое время сгодится. Вещмешки или заплечные сумки с лямками, солдатские фляжки.

– Продукты и всё спиртное сдать старшине, – приказал Мальцев.

– Ну вот, а мы рассчитывали обмыть прибытие, – раздались разочарованные голоса.

– Обмывать будем, когда первый бой примете, – отрезал Авдеев. – А сейчас нам только пьяных не хватало.

Оружие имелось у всех прибывших, в основном винтовки-трёхлинейки с запасом патронов по 30–50 штук на ствол. У белобрысого паренька лет семнадцати висела за плечом двустволка, а клетчатое пальто перепоясывал патронташ.

– Ружьё – штука хорошая, но только на зайцев, – покачал головой старшина Будько.

– Я трёх кабанов из него завалил, – похвалился парень. – Два патронташа картечью и пулями набиты. И вот ещё для рукопашного боя.

Он достал из-за голенища сапога немецкий штык-нож.

– У фрицев стащил. Израсходую патроны, штыком буду действовать.

– Тебе годков-то сколько?

– Семнадцать в марте исполнилось.

– Маловато, – вмешался политрук Зелинский.

– А эшелоны считать не маловато было? – с вызовом отозвался парень. – У меня друга прямо с дрезины немецкий патруль застрелил, когда нас заметил.

– Подпольщик?

– Называйте как хотите. Мне задания давали, я их выполнял.

На правах старожила отряда подошёл Шестаков Паша и, поздоровавшись с пареньком, важно проговорил:

– Это Силаев Андрюха. В одной школе учились. Надёжный парень, комсомолец. Его в Германию хотели угнать, а он со сборного пункта сбежал.

– Ну, если Паша рекомендацию даёт, тогда верить можно, – засмеялся Мальцев. – Мы с ним после одной операции трое суток сквозь немецкие патрули пробивались.

Николай Мальцев не сказал, что это было после повторной попытки взорвать Витемский мост, которая оказалась удачной. Однако обошлась она дорого. Из шести бойцов диверсионной группы уцелели лишь двое – Мальцев и Шестаков. Те, кто знал про ту рискованную операцию, помалкивали. Если фрицы пронюхают, даже соседей не пощадят, не то что родню.

Бойкий подпольщик в клетчатом пальто понравился всем. А старшина Будько пообещал:

– Пальто я тебе заменю на бушлат. Ты в нём, как зебра, за километр виден.

– Другой одежды не было, – пожал плечами Андрей.

Вновь прибывших приглашали на беседу к Журавлёву. Там же присутствовали комиссар Зелинский, особист Авдеев и лейтенант Мальцев. Большинство людей были уже проверены, но вопросы возникали.

Бывший штабной работник, капитан Красной Армии Михаил Сологуб попал в окружение в сентябре сорок первого, прижился в селе Вязники и завёл новую семью. На контакты с подпольщиками шёл неохотно и лишь спустя полтора года решился уйти в лес.

– Как же ты умудрился под носом у полицаев столько времени отсиживаться? – спросил Журавлёв. – Тебе же прямая дорога либо в лагерь, либо в полицаи.

– Я не из тех, кто родину продаёт, – с долей напыщенности отозвался капитан. – Выкручивался как мог. Притворялся, что нога не заживает, ведь я ранен был. Сохранил все личные документы, пистолет.

– Он в пекарне работал, – пояснил Авдеев. – Иногда пару-тройку буханок для нас передавал. Числился кем-то вроде старшего мастера, и немцев, и полицаев кормил. Трусоватый мужик, но старшина Будько из него хлеб понемногу вытягивал.

– Ну и на хрен нам трус в отряде нужен? – закуривая сигарку, спросил Журавлёв. – Пусть бы и работал в пекарне. С пистолетом он пришёл! По воробьям стрелять?

– Новый начальник полиции Гуженко на него нажал, в полицаи хотел забрать. Ему тоже грамотные люди нужны, тем более полицейские участки сейчас укрупняют. Можно старшину Будько позвать, он этого пекаря как облупленного знает.

Старшина отряда Яков Павлович Будько, оглядев Сологуба, неожиданно покрыл его матом.

– На двух стульях хотел усидеть, чувырло? Всё ждал, в какую сторону война повернётся. После Сталинграда понял, что ему не простят отсидку в немецком тылу и работу на фрицев. Лет на десять, а то и на двадцать пять в лагеря загонят, когда наши придут.

– Сологуб снабжал отряд хлебом? – уточнил Журавлёв.

– Только вид делал. Крепко он немцев боялся. Пока вытянешь с него эти подгорелые буханки, по три раза приходилось через патрули пробираться. Если б не нужда, никогда бы с этим бывшим капитаном не связался. Ну, и куда вы хотите его определить, Иван Макарович?

Старшина, которому было уже под пятьдесят, сильно сдал за последние тяжёлые месяцы. Выпирали костлявые скулы, чапаевские усы стали седыми, глаза запали в подлобье. Журавлёв вздохнул, глядя на Будько, с которым вместе служил и воевал уже несколько лет.

– Дезертир ты, Сологуб. Больше никто, – жёстко подвёл итог командир отряда. – А с дезертирами знаешь, как на войне поступают?

Удивительно, что молчал комиссар Зелинский, который всегда по делу и без дела выпячивал своё мнение.

– Не надо Сологуба расстреливать, – вдруг заговорил лейтенант Мальцев. – Я его в свой взвод возьму. Проверим в бою.

– С чем он воевать будет? – презрительно заметил Журавлёв. – У него к пистолету три патрона и затвор заржавел. Видать, в погребке прятал.

– Выделю я ему на время винтовку с одной обоймой и штыком. А расстрел других ребят отпугнёт, слухи всякие про отряд НКВД пойдут.

– Зато трусам и дезертирам была бы наука, – наконец высказал своё мнение Зелинский.

– Ладно, пойдёшь в распоряжение лейтенанта Мальцева, – подвёл итог Журавлёв. – В качестве кандидата в бойцы спецотряда. Пистолет почисть и не вздумай капитанские «шпалы» цеплять. Ты сейчас никто. В бою докажешь, чего ты стоишь.

С Большой земли сбросили пополнение. Трёх сапёров-взрывников во главе с опытным старшим лейтенантом, врача-хирурга и девушку-радистку. В грузовых парашютах кроме взрывчатки и боеприпасов прислали прорезиненный мешок махорки и папирос, медикаменты, кое-что из продовольствия. И что самое удивительное – новенькие погоны. Сержантские с лычками, офицерские – со звёздочками.

Старший лейтенант-взрывник Леонид Трунов передал Журавлёву награды за пущенные под откос эшелоны и взорванный Витемский мост. Сам Журавлёв был награждён орденом Красного Знамени. Зелинский, Кондратьев, Авдеев и Мальцев получили ордена Красной Звезды, человек восемь бойцов наградили медалями.

Долго шли ордена и медали, наконец вручили. Василь Грицевич, снайпер, который довёл свой личный счёт уничтоженных немцев и полицаяв до шестидесяти человек, был тоже представлен к ордену, но получил медаль «За отвагу». Может, в душе и обижался, но вида не показывал.

Зато нацепил на бушлат новенькую медаль «За отвагу» Павел Шестаков и гордо расхаживал по лагерю. Когда пришёл в санчасть к своей сестре Тане, моложе его на год, та вдруг расплакалась.

В большой семье Шестаковых отец и старший брат пропали без вести в первые месяцы войны. Второй брат, работавший на железной дороге, был расстрелян немцами, как заложник. Мать, вне себя от горя, кинулась с вилами на заявившийся в её дом патруль, пропорол живот полицая и была застрелена. Чудом спаслись Паша и Таня Шестаковы, которой недавно исполнилось шестнадцать лет.

– Чего ты, Пашка, как дурачок с медалью носишься? Понимаешь, что одни мы с тобой на свете остались? Едва живой, весь обмороженный после взрыва моста выбрался. Бог тогда тебя спас. Войне конца-краю не видно, и германцы с полицаями нас, как волки, обложили. Куда ни глянь, везде край.

Комиссар Зелинский, любивший наведываться в санчасть к медсестре Люсе Лунёвой, тоже решил похвалиться вторым по счёту орденом Красной Звезды. Услышав Таню Шестакову, назидательно заметил:

– Вы, Таня, думайте, что говорите. Вокруг раненые, а вы панические настроения разводите. Немцев под Сталинградом разгромили, Красная Армия наступает, а вы...

– Ой, да помолчите вы, Илья Борисович, – осадил его медсестра Люся. – Не дай бог вам такую судьбу, как Танюшке. И сама она едва от простуды отошла. Кое-как выходили.

– Но в панику вдаваться...

– У тебя других дел нет, как к санитаркам цепляться? – вмешалась начальник санчасти Наталья Малеева, которая терпеть не могла пустой болтовни политработников. – Я нового хирурга в курс дела ввожу, а вы тут мораль занятым людям читаете.

Новый хирург, молодой лейтенант с новенькими погонами, с интересом наблюдал, как красивая Наталья Сергеевна, такой же лейтенант, как он, отбривает назойливого старшего политрука (считай, капитана).

– Ладно, Олег, пойдём бойца с ампутацией посмотрим. Халат не забудь надеть.

– Конечно, Наталья Сергеевна.

– Да брось ты выкаты! – засмеялась начальник санчасти. – Вместе работать будем или я такая старая?

– Вы очень симпатичная, – культурно поклонился молодой врач.

Лейтенант медицинской службы Олег Ткачук ещё не отошёл от ночного перелёта. Сугубо гражданский человек, он не ожидал, что их «Дуглас» попадёт под такой обстрел над линией фронта.

Взрывы даже снарядов небольшого калибра отдавались грохотом внутри дюралевого корпуса. Вспышки внезапно озаряли иллюминаторы и лица его спутников, которые держались более спокойно. Тяжёлый снаряд взорвался над самолётом, и «Дуглас» швырнуло с такой силой, что лейтенант подумал, что их подбили.

Врача сбросило с лавки, он инстинктивно нащупывал вытяжное кольцо. Его успокоил старший лейтенант-сапёр:

– Всё нормально, доктор. Свой снаряд не услышишь.

– Почему? – механически спросил он.

– Летит слишком быстро. Пока поймёшь, что к чему, на том свете будешь.

– Я туда не тороплюсь, – храбрился хирург, с трудом взбираясь на металлическую лавку.

Слава богу, всё позади. И приземлились удачно, если не считать, что обширная лесная поляна была покрыта многочисленными лужами и вся группа насквозь вымокла в холодной воде.

Потом шли через лес, согреваясь быстрой ходьбой. Спали и сушились в избе лесника, затерянной в густом сосновом бору. Ели наваристые щи из лосятины, пили спирт за победу и снова шли. Лишь к вечеру добрались до лагеря особого отряда НКВД, о котором ходило столько всяких слухов.

Лейтенант шагнул вслед за начальником санчасти в просторную землянку. Здесь ему предстояло работать, оперировать раненых и не показывать удивления, что мало света, люди лежат на нарах, а с потолка капает талая вода.

В апреле вместе с теплом пришло бездорожье. До лагеря немецкая техника добраться не могла. Но оставались ещё авиация и мобильные полицейские группы, хорошо знавшие местность.

Особую активность проявляли начальник Вяземского полицейского участка Савва Гуженко и выписавшийся из госпиталя Тимофей Качура, его заместитель. Глубокая ножевая рана, полученная в схватке с сержантом отряда «Застава» Петром Чепыгиным, давала о себе знать, но полицай не отставал от своего начальника.

Бывший кавалерист Гуженко сформировал конную разведгруппу, не боявшуюся бездорожья. Как правило, за ней следовало пешее отделение с повозкой и станковым пулемётом. Савва уверенно набирал авторитет у немецких властей и становился заметной фигурой в районе.

Его поддерживал начальник районной управы, бывший исполкомовский работник Антон Бронников. Перед войной Бронникова собирались поставить председателем райисполкома. Он появился в районе вместе с семьёй и быстро продвигался по служебной лестнице.

Окончив институт (мало кто имел в то время высшее образование), Антон Леонидович Бронников был энергичным руководителем, хорошо знал немецкий язык и, не колеблясь, перешёл на сторону новой власти. Вместе с ним работала его жена, привлекательная, со вкусом одетая женщина, также имевшая высшее образование.

Они создали в районной управе ядро из активных приверженцев новой власти, выпускали газету, где довольно умело изобличали Компартию и руководство страны. Бронников добился самостоятельности для некоторых колхозов, где появились фермы, а крестьяне получили относительную свободу.

Новый глава управы был умелым оратором. На собраниях и митингах он обличал сталинский режим, жёстко проведённую коллективизацию, больно ударившую по большинству крестьянских хозяйств. Не забывал он напоминать о голоде тридцать третьего года, массовой высылке в глухие края наиболее активных и умеющих работать на земле зажиточных крестьян.

Это не могло не сказаться на отношении многих крестьян к партизанам и отряду НКВД «Застава», которых Бронников умело представлял в роли лесных бандитов.

– К концу сорок третьего года германская армия завершит войну на Востоке, – провозглашал он на каждом митинге или собрании. – Сталин после семи месяцев тяжёлых боёв на износ сумел ценой огромных потерь добиться победы под Сталинградом. Но ни в одной советской газете не говорится, что только за первые два года войны Красная Армия потеряла погибшими два миллиона наших братьев, а сдались в плен, не желая воевать за чуждую им советскую власть, более трёх миллионов бойцов и командиров. Сталину уже нечем воевать, он практически лишился своей армии.

По-разному воспринимали люди эту агитацию. Все видели огромные колонны наших военнопленных, разбитую технику, отчётливо представляли, как глубоко вторглись немецкие войска в глубь страны. Но радовались таким «успехам» немногие. Большинство воспринимали речи Бронникова с плохо скрытой враждебностью.

– Это наши братья погибли, а не его. Чему радуется?

– Хвалится, что Сталина победили, а фрицы три дня траур после Сталинграда справляли. Говорят, вся степь над Волгой побитыми да замёрзшими фрицами до сих пор усеяна.

– Не взять Гитлеру Россию! Хвалился, что за пару месяцев победит, а завяз так, что и за два года расхлебать не может.

– Наполеон тоже широко шагал, а всю свою армию в лесах замерзать оставил.

Такие сведения получал от своих доверенных людей старший лейтенант Авдеев и докладывал Журавлёву.

Фёдор Кондратьев сжимал тяжёлые кулаки и скрипел зубами.

– Крепко нам этой зимой досталось. Сколько хороших ребят погибли. Надо действовать, показать, кто здесь хозяин.

Ему поддакивал комиссар Зелинский, но Журавлёв не торопился. Не ошибся в своё время генерал Судоплатов, назначив капитана-пограничника командиром особого диверсионного отряда НКВД.

Иван Макарович Журавлёв сумел объединить действия партизанских отрядов «Сталинцы» и «Смерть фашизму», провести ряд успешных операций, взорвать более десятка немецких эшелонов, разгромить крупный вражеский гарнизон в селе Вязники.

Не всякий полк, действующий на передовой, способен нанести такой урон фашистам. А ведь отряд «Застава» и в лучшие времена не дотягивал по численности даже до сотни бойцов. Воевали умело и грамотно, сумев повести за собой местных партизан.

Но сейчас ещё не время для крупных ударов. В отряде много новичков, требующих хотя бы минимальной подготовки. Однако Большая земля торопит.

– Ти-ти-та-та, – выстукивают рации, принимая шифрограммы с Большой земли. – Почему не шлёте отчёта о боевых операциях? Требуем активизировать удары по врагу. Бездействие в сложившейся обстановке недопустимо.

Читая листок с суровым текстом, Журавлёв бормотал:

– Хорошо, хоть в трусости не обвиняют.

В дверном проёме командирской землянки появился старшина Будько. Вежливо кашлянул в усы и доложил:

– Муки на два дня осталось, Иван Макарович. Надо что-то делать. Количество бойцов за полсотню перевалило, снабженцы не успевают продовольствие добывать.

– Заходи, Яков Павлович, – сжигая над пепельницей шифрограмму, сказал Журавлёв. – Будем думать...

Без еды никуда не денешься. Но не менее важно возродить боевую активность отряда.

Ушли на задание сразу две группы. Подрывники во главе с Фёдором Кондратьевым и новым специалистом-минёром, старшим лейтенантом Труновым, отправились к железной дороге с минами замедленного и нажимного действия.

На просёлочной дороге выбрал место для засады лейтенант Мальцев. С ним вместе неизменный спутник – снайпер Василь Грицевич, сержант Пётр Чепыгин, ещё кое-кто из опытных пограничников и человек семь новичков. Отряд «Застава» снова разворачивал боевые действия, налаживая связь с партизанами.

Сёла и мелкие деревни жили своей непростой жизнью. Приходили в себя после голодной зимы, набегов немецких карательных отрядов и полицаев, которые всегда уносили чью-то жизнь.

Рябов Матвей, выпущенный живым из полицейского участка, с утра до ночи работал на своём подворье, почти не появляясь на улице. Вся маленькая деревня Озерцы ополчилась на него, бросали камни в окна, материли Матвея и его семью.

– Продался немцам, гадюка! Из-за тебя двоих невинных людей расстреляли, два дома сожгли.

– Наши придут – будешь на собственных воротах висеть.

Даже старший сын Матвея, четырнадцатилетний парень, не верил отцу. Младшие молчали и тоже не высывались из дома.

– Ты-то мне веришь? – кричал он жене. – Никого я не выдавал, Сова меня травит, предателем выставил.

Когда однажды ночью сгорела банька Рябовых и едва удалось отстоять от огня хозяйственные пристройки, с женой Матвея произошла истерика.

– Будь они все прокляты, и партизаны, и немцы с полициями! Сегодня баню сожгли, а завтра дом спалит вместе с детишками. Свои хуже фашистов! И ты, Матвей, на поводу потащился, про семью не думая. Давеча какие-то сопляки меня сучкой полицейской обозвали, а я ведь хлеб для наших пекла.

Матвей Рябов промолчал, а спустя четверть часа заголосила десятилетняя дочь:

– Батянька сейчас удавится! Спасите!

Примчался на крик старший сын, столкнул с табуретки отца, который вязал петлю из верёвки. Разрезал серпом узлы, а обрывки верёвки бросил в печь. Обнимая отца, плакал:

– Батя, родной, ты же в Красной Армии служил, партизанам помогал, а сейчас жизни себя лишиться хочешь.

Набежали соседи, но добродушный, работающий Матвей Рябов, отталкивая всех, кричал что-то невнятное, матерился.

Жена и соседи кое-как успокоили мужика, налили самогона и уложили спать. Когда он проснулся, к нему пришли несколько стариков и женщины-соседки.

– Не вини ты нас, Матюша. Зазря тебя изводили. Война, будь она проклята.

Рябов, наполовину поседевший за последние дни, с ненавистью смотрел на сельчан. Он один из немногих рискнул помочь боевому отряду, и вот результат.

– Уйдите все, глаза бы мои вас не видели!

– Только не вешайся больше, – уговаривали его.

– Не дождётесь, даже если дом спалите.

– Да что ты, Матвей! Мы же тебя с детства знаем.

А полицаи из сформированного в Озерцах участка передали Рябову распоряжение Гуженко:

– Завтра тебе надо явиться в Вязники. Получишь оружие, белую повязку сошьёшь и будешь служить в полиции. Иначе – лагерь или вздёрнут за пособничество бандитам.

Матвей молча кивнул. Ночью выкопал на огороде завёрнутую в мешковину винтовку, патроны и попрощался с женой:

– Здесь мне не жизнь. Ухожу.

На этот раз жена не плакала, хотя знала, что Гуженко их в покое не оставит. Собрала в дорогу кое-какие харчи, запасное бельё и неожиданно попросила Матвея:

– Ты ударь меня в лицо раз да другой, чтобы синяки остались. Поверит Савва или нет, но скажу, что НКВД тебя как предателя забрали, а я тебя защищала. Посуду кое-какую побую, стол опрокину. Соседи подтвердят, что ночью чужие приезжали, шум был.

Примитивная уловка – вряд ли начальник полиции поверит. Для убедительности Матвей пальнул из винтовки в дверь, обнял жену, детей и быстрым шагом исчез в ночи. Вернётся или нет – один бог знает. Когда идёт война, лучше не загадывать о будущем.

К полудню примчался в Озерцы Савва Гуженко с подручными. Оглядел избу Рябовых, разбитую посуду, жену Матвея с синяком под глазом, ковырнул пальцем сквозную пробоину от пули в дверях.

– Хитрите... ну-ну.

Хотел сжечь дом, а жену и старшего сына забрать в участок. Но вступились соседи, рассказали, что приходили ночью люди в красноармейской форме, стреляли, шумели.

Пять-шесть местных полицаев, в том числе и Паскаев Борис, подтвердили, что так и было. Со своими земляками они ссориться не хотели.

– А вы чего ждали? – орал на них Савва. – У вас винтовки, гранаты. За какой хрен паёк и водку получаете? Ударили бы дружно и перебили красную сволочь.

– Их не меньше десятка было, да еще с пулемётом. Но мы, как рассвело, сразу посыльного к вам наладили.

И Гуженко, и Качура полицаям не поверили. Не желая выглядеть дураком, Савва с маху взрезал кулаком старшему из них.

– За что? – зажимая разбитый нос, ворочался тот на снегу.

– За то самое! В следующий раз пристрелю за трусость, а в этом месяце половинный паёк получите и без водки обойдётесь.

– Мы тут на отшибе, – жаловался один из полицаев. – Даже пулемёта нет, а бандиты обнаглели после Сталинграда. По пятьдесят патронов на винтовку – много ли навоюешь?

– Пескарь! – обращаясь к бывшему красноармейцу Борису Паскаеву, приказал Гуженко. – Теперь ты здесь старший. Пятиться тебе некуда. В расстрелах участие принимал. Бери свою команду в руки и наводи порядок.

Группа Фёдора Кондратьева установила две мины. Одну – замедленного действия, вторую – нажимную. Новый минёр старший лейтенант Леонид Трунов дело своё знал. Деревянный ящик с миной и колпачком-взрывателем на крышке быстро и ловко закопал в щебень сразу после того, как проехала дрезина с патрулём.

Спустя четверть часа появился эшелон. Немцы словно чувствовали опасность. Состав шёл с небольшой скоростью, а перед тяжеловесным локомотивом были прицеплены две платформы. Одна – с запасными шпалами, обрезками рельсов, краном-стрелой. Под навесом сидели человек шесть путейцев-ремонтников, наши русские мужики, некоторые – совсем молодые.

На второй платформе стояли 37-миллиметровая зенитка и спаренный крупнокалиберный пулемёт. Фельдфебель в каске внимательно наблюдал в бинокль за небом. Расчёты сидели, готовые в любую минуту открыть огонь.

– Ну, разгоняйся, чего плетёшься, – сжимая кулаки, бормотал сержант Андрей Постник, а Трунов тревожно переспрашивал Фёдора Кондратьева:

– Ремонтники погибнут... как же так? Они первые под взрыв попадут.

Зам. командира отряда, повернувшись к нему, оглядел офицера странным взглядом:

– Наверное, погибнут... и что теперь?

– Предупредить бы их как-нибудь.

– Иди прогуляйся к насыпи, помаша рукой, пожалей их на прощание.

– Зачем вы так?

– Душевный ты парень, я погляжу. Только забыл, для чего тебя сюда забросили. Здесь и нас не щадят, и мы про жалость забыли. На состав повнимательнее глянь. Обидно, если такую добычу упустим.

Было понятно, почему не разгонялся эшелон. На платформах стояли танки. Новые утяжелённые Т-3 и Т-4 с длинноствольными орудиями и броневыми экранами по бортам. Машины были прикрыты брезентом, но Кондратьев угадал очертания новых немецких танков. Кажется,

они появились впервые под Сталинградом, когда генерал-полковник Герман Гот пытался про- рвать кольцо окружения и спасти Шестую армию Паулюса.

– Штук сорок танков, – пробормотал сапёр Андрей Постник. – Не считая грузовиков и тягачей.

Один из ремонтников, молодой парень в замасленной спецовке, поднялся, чтобы раз- мяться. Перекинулся фразой с приятелем и вдруг исчез. Фонтан щебня, земли и дыма подбро- сил ремонтную платформу, разламывая на части.

Перевернуло и покатило по насыпи смятую зенитную платформу. Сорвало со станка 37- миллиметровку, кричал раздавленный артиллерист. Перекрывая остальные звуки, захлёбы- вался рёвом выпускной клапан паровоза, торопясь выпустить пар. Бешено вращались в обрат- ную сторону колёса, чтобы локомотив не влетел в воронку.

Не получилось. Многотонный локомотив с распластанным орлом на кабине въехал в воронку и опрокинулся на крутую насыпь. Вывернул вращающимися колёсами рельс, несколько шпал и дважды перевернулся. Выбило дверцу котла, и пламя охватило смятую кабину.

Вместе с паровозом слетели вагон и две платформы с танками. Массивная башня Т-4 ползла по щебню, а корпус, обрывая гусеницы и выламывая колёса, скатился вниз.

– Сейчас загорятся, паскуды! – выкрикнул кто-то из сапёров.

Но корпуса танков не загорелись, хотя четыре машины были смяты и выведены из строя. Горящий локомотив хлестнул языком пламени по перевернутому вагону, который сразу вспых- нул.

Скрежет металла перекрыла стрельба. В сторону леса вела огонь из двух пушек ещё одна зенитная платформа, стреляли из автоматов и пистолетов танкисты. Одна из бронированных машин, развернув башню, посылала снаряд за снарядом в тёмный от сырости апрельский лес.

Когда уходили, Кондратьев ещё раз оглядел место взрыва. От платформы с путейцами не осталось ничего – все шестеро ребят погибли. Эшелон продолжал стрельбу, санитары под- бирали раненых и убитых, локомотив и вагон горели. Худо-бедно, а четыре танка были уни- чтожены. Тяжёлые локомотивы тоже представляли большую ценность. Да и пока расчистят и восстановят колею, пройдёт суток двое.

– Нормально сработали, – подвёл итог Фёдор Кондратьев, обращаясь к Леониду Тру- нову. – Составы под откос пускать легко только в брехливых газетах. А в жизни вон как полу- чается. Четыре танка и десятка три фрицев мы уделали, но и шесть своих ребят под раздачу угодили. Считай, в бою погибли. Такая судьба им выпала. В бою потери не меньше. Пока шесть «панцеров» сожгут, когда они на прорыв идут, противотанковые батареи целиком гибнут. Не считая раздавленной пехоты.

Группа лейтенанта Мальцева в количестве двенадцати человек попала в более сложную ситуацию.

Подстерегли на просёлке два тяжёлых трёхосных грузовика-вездехода «Крупп» в надежде на трофеи. Ударили из двух пулемётов. Одна машина загорелась, вторая, огрызаясь автоматным огнём, уходила по залитой водой щебёнке. Пробитые шины подкачивал на ходу компрессор, однако грузовик угодил в яму. Водитель, газуя, кое-как выбрался из неё, но сер- жант Пётр Чепыгин всадил пулемётную очередь в двигатель.

Машина остановилась. Бежавших к ней бойцов встретили выстрелами из карабинов сапёры, выпрыгнувшие из кузова, и унтер-офицер с автоматом. Водитель, раненный в руку, стрелял из пистолета. Попытка уничтожить врага с ходу не удалась. Один из новичков был убит, остальные залегли и вели беглый огонь. Пётр Чепыгин ранил ещё одного сапёра, но унтер- офицер и его отделение оборонялись отчаянно.

– Стрелять прицельно! – крикнул подбежавший лейтенант Мальцев. – Надо быстрее заканчивать эту бодягу.

Вместе с Пашей Шестаковым забежали со стороны кустарника и бросили две гранаты. Поднялись остальные бойцы, завязалась схватка в упор. Унтер-офицер сменил магазин и переделёрнул затвор. Силаев Андрей, который получил взамен двустволки старую трёхлинейку, успел прицелиться и выстрелить.

Остальные сапёры, увидев, что унтер-офицер убит, отступали к лесу. Пётр Чепыгин прижимал их пулемётными очередями. Сумели спастись лишь четверо сапёров. Рядом с машинами и на обочине остались лежать шесть убитых немецких солдат и унтер-офицер. В группе Мальцева погиб один человек, двое были ранены.

Обе машины были загружены сапёрным имуществом. Столбы для постановки проволочных заграждений, мотки колючей проволоки, тонкая сталистая проволока, которой, как сетью, опутывали подходы к вражеским траншеям. Из оружия достались в качестве трофеев четыре винтовки, автомат с запасом патронов и два десятка гранат.

Забрали сапоги – с обувью в отряде всегда были трудности. В одной из машин обнаружили неплохой инструмент: лопаты с удобными ручками, кирки, пилы, ножницы для резки проволоки. Обнаружили также десятка полтора пакетов с сухим пайком.

Трофеи загрузили в повозку и подожгли оба грузовика. Когда торопливо уходили по лесной дороге, на просёлке уже слышался гул подъезжавших машин. Пулемётные очереди сбивали ветки сосен высоко над головой, щёлкали по стволам деревьев. Если подоспеют патрули и поднятые по тревоге полиция – жди преследования.

Мальцев разделил группу на две части. Сопроводить повозку с ранеными поручил пулемётчику Чепыгину и двоим бойцам из молодых.

– Двигайте не останавливаясь, – напутствовал их лейтенант, – и как можно быстрее. Сделайте круг и к лагерю выйдите, когда убедитесь, что погони нет. Мы прикроем вас, но, думаю, фрицы в лес глубоко не сунутся.

Однако опытный пограничник Мальцев на этот раз ошибался. В погоню включились полиция, и положение сразу осложнилось.

Группа прикрытия, возглавляемая Николаем Мальцевым, состояла из шести человек. Боевым опытом, кроме лейтенанта, обладали лишь снайпер Василь Грицевич и пулемётчик Иван Луков, бывший партизан, пришедший в отряд «Застава» осенью сорок второго года.

Павлу Шестакову было всего лишь семнадцать лет. Хотя он участвовал в ряде операций (в том числе взрыве Витемского моста), в нём зачастую пробивалось мальчишество. Подпольщик Силаев Андрей пришёл в отряд лишь неделю назад. В сегодняшнем бою он открыл свой счёт, уничтожив немецкого унтер-офицера. Трофейный автомат, которым пользоваться толком не умел, отдал Николаю Мальцеву, оставив себе «вальтер».

Шестым в группе прикрытия был капитан-штабник Михаил Сологуб. По его словам, он участвовал в летних боях сорок первого года, пробивался из окружения и был ранен в ногу. Пограничники отряда «Застава» его рассказ восприняли скептически. Капитан Красной Армии полтора года отсиживался в немецком тылу – это настораживало. В сегодняшнем бою он действовал умело, но особой активности не проявлял и вперёд не рвался.

Это сразу подметил Мальцев и, отозвав Сологуба в сторону, сухо обронил:

– Умеешь себя беречь. И ползаешь по-пластунски, перебежки грамотно делаешь, винтовкой хорошо владеешь. В прикрытии будешь рядом со мной. Здесь уже не отсидишься. Попробуешь увильнуть, сразу пулю словишь.

– Я в бою не прятался, – с вызовом ответил капитан. – И одного из фрицев наповал срезал.

Во время боя трудно было определить, чья пуля нашла цель. Спорить с ним Мальцев не стал. Все шестеро шли медленно, давая возможность сержанту Чепыгину увести подальше свою группу, в которой были двое раненых.

Полицаи и немцы из полевой жандармерии тоже не слишком торопились. Редкий сосновый лес уступал место зарослям орешника и густой поросли молодых вязов. Отсюда могли открыть огонь в упор бойцы спецотряда НКВД, которые воевать умеют и драться будут до последнего. То, что засаду организовали они, обер-лейтенант, командир взвода, не сомневался.

Уцелевшие солдаты, сопровождавшие грузовики, рассказали, что часть нападавших были одеты в камуфляжные комбинезоны и бушлаты с недавно введёнными в Красной Армии погонами. И удар был нанесён умело.

Хотя диверсантов насчитывалось немногим более десятка, они сумели подбить оба тяжёлых грузовика-вездехода и уничтожить семь человек из сапёрного отделения. Спаслись четверо, из них двое были ранены. Подобные засады, гибель солдат и потеря техники мешали бесперебойному движению по дорогам, создавали заторы. В такие места сразу бросали мобильные подразделения, а за взятого живьём диверсанта обещали отпуск к семье.

Обер-лейтенант, находившийся в России более года, действовал с оглядкой. За это время он многому научился. Высокомерное отношение к полуграмотным русским красноармейцам, их генералам, проигрывавшим одно сражение за другим, уступило место настороженности.

Конечно, Сталинград в масштабах огромной войны не решал её судьбу. Русские понесли огромные потери, пока окружили и добились Шестую армию не слишком решительного фельдмаршала Паулюса. Но как получилось, что не сработала вся огромная мощь вермахта, а заснеженная степь над Волгой стала последним пристанищем для двухсот тысяч мёртвых арийских воинов, а девяносто тысяч угодили в плен?

Дорогу немецкой разведгруппе преградил островок густого сосняка. Чтобы не рисковать, его обстреляли из пулемёта и бросили несколько гранат. В этом не было необходимости, цепь полицаев уже прочесала сосняк, двигаясь в сотне метров впереди. То, что немцы, как всегда, пустили их перед собой, вызывало у полицаев глухое раздражение.

У фрицев два скорострельных пулемёта «МГ-42», половина жандармов вооружены автоматами, имеется даже лёгкий миномёт. Наскоро поднятый по тревоге Вяземский полицейский участок вооружён в основном трёхлинейками и единственным пулемётом Дегтярёва.

Савве Гуженко не дали даже возможности оседлать коней. Посадили в грузовики и срочно доставили к месту облавы.

– Сейчас не время скачки устраивать, – сказал обер-лейтенант, возглавлявший операцию. – Все пойдут в цепи. Бандиты получили на дороге хороший отпор. У них несколько раненых, быстро двигаться они не смогут, да и патронов наверняка осталось в обрез.

Помощник Саввы, Тимофей Качура, оглядев догоравшие тяжёлые трёхосные «Круппы» и накрытые брезентом тела убитых немцев, негромко шепнул:

– Крепко Журавлёв ударил. А недавно эшелон под откос пустил. Поднимают энкавэдэшники голову, очухались после окружения.

– А нам расплачиваться, – огрызнулся Гуженко.

Он знал, что обер-лейтенант уже послал наперерез диверсантам бронетранспортёр «Бюссинг» и мотоциклистов. Взводу жандармов поставили задачу с помощью местных полицаев догнать и уничтожить «лесных бандитов».

Не такая и великая потеря – два грузовика и семь убитых сапёров, но требовалось сразу отбить охоту у бандитов устраивать засады. Тела энкавэдэшников или партизан было приказано развесить вдоль дороги с табличками на шее «Они стреляли в спину солдатам вермахта». Планировалось также сжечь ближайшую деревню и расстрелять не менее семидесяти заложников – по десять человек за одного немецкого солдата.

Группа Мальцева едва не наткнулась на бронетранспортёр и мотоциклы. Их вовремя заметил разведчик Паша Шестаков. Ввязываться с ними в бой было безрассудно. Но требовалось отвлечь внимание от второй группы, которая увозила раненых.

Раздумывали недолго. Вляпались, ничего не скажешь! Немцы рассчитывали, что отряд, устроивший засаду, насчитывает как минимум десятка два человек. Глупо было бы вылезать на дорогу меньшим количеством.

– Мы, возможно, и проскользнём, – сказал Николай Мальцев. – Но ребята с их повозкой далеко не уйдут. Выход один – поднять шум, чтобы стянуть сюда основные силы.

– Вшестером? – с сомнением покачал головой Иван Луков. – У меня к «дегтярёву» всего два с половиной диска. На полчаса боя не хватит.

В группе имелся единственный автомат, но бойцы разжились немецкими винтовками, запасом патронов к ним и трофейными гранатами. Осталась также пара самодельных гранат из выплавленного тротила. Они были более мощными, рассчитанными на немецкую бронетехнику.

Мальцев понимал, что экипажи «Бюссинга» и мотоциклов чутко прислушиваются к любым звукам, готовые встретить русских диверсантов пулемётным огнём. Между тем приближалась цепь полицаев. Молчаливая, настороженная, словно уже почувствовавшая присутствие врага.

Вот и решай, куда ударить. По цепи полицаев, не слишком хорошо вооружённых, или по немецкой засаде с их скорострельными пулемётами. Полицаи не рвутся в бой, но их подталкивают в спину, и драться они будут умело, спасая свои жизни.

– Куда ни кинь, везде клин, – вздохнул Иван Луков. – Ну, что делать будем, командир?

Каждый из шестерых понимал безнадёжность положения, в которое они угодили. Даже самые молодые из бойцов – Паша Шестаков и Андрей Силаев, которым недавно исполнилось по семнадцать лет.

С тоской рассуждал, что вряд ли увидит двух своих детей бывший колхозник Иван Луков. Сержант Василь Грицевич, воевавший с первого дня войны и недавно узнавший, что в Белорусии погибла от рук карателей почти вся его родня, хладнокровно проверял свою снайперскую винтовку. Он не боялся смерти и был готов к бою.

С трудом преодолевал страх капитан Сологуб, проклиная себя, что поддался и ушёл в отряд НКВД. Но иначе пришлось бы идти на службу в полицию.

Капитан всегда был расчётливым человеком, быстро продвигался по служебной лестнице. Войну встретил помощником начальника штаба полка. Она смешала все его планы, но Сологуб сумел избежать мясорубки первых месяцев отступления и добрался бы до своих, если бы не случайный осколок в ногу.

Он неплохо прижился в большом селе Вязники, помог восстановить пекарню, завёл новую семью. Старая семья осталась в военном городке под Тулой – жена и двое детей. Что с ними, капитан не знал, они были в прошлой жизни. Родился сын от молодой жены, но всё не бывает гладко. Прервалась его спокойная сытая жизнь в Вязниках.

Окончив военное училище, командно-штабные курсы, отслужив восемь лет в армии, Михаил Сологуб трезво оценивал сложившуюся на фронте обстановку. Если в сорок первом и в первой половине сорок второго года он почти не сомневался, что война проиграна, то сейчас понял, что поспешил со своими выводами.

Несмотря на громкие успехи вермахта и огромные потери Красной Армии, война, задуманная Гитлером, уже с первых месяцев пошла не так, как планировалось. Можно было сколько угодно твердить о превосходстве Германии, её современном оружии и высоком моральном духе арийского солдата, но в войне явно угадывался перелом.

Разгром под Сталинградом, спешное отступление с Северного Кавказа, потеря немцами Донбасса, прорыв блокады Ленинграда, рейды партизанских кавалерийских соединений в глубокий тыл врага – всё это говорило, что война вступила в новую фазу.

Построенные на Урале огромные заводы гнали потоком на фронт новую технику, союзники усиленно поставляли танки, самолёты, продовольствие. В Северной Африке англичанами

была разгромлена крупная группировка немецких и итальянских войск, в плен угодили почти 300 тысяч солдат и офицеров.

Война будет идти ещё долго, но немцы её не выиграют. Гитлер недооценил Россию. Поэтому, чтобы спасти свою жизнь, капитан Сологуб без оглядки бросил вторую семью, сытую жизнь и ушёл в мрачный, чужой ему апрельский лес, где ещё не растаял снег. Чёрт с ним, с холодом и снегом, – вытерплю. Завтра может быть поздно.

Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Позади первый бой, а впереди безнадежная попытка остановить немцев и полицаев, которые уверенно окружали их группу из шести человек.

Николай Мальцев не хуже своих подчиненных понимал, что завязывать бой бессмысленно. Единственный выход – нанести внезапный удар и уходить в глубину полузатопленного талой водой леса, где есть шанс оторваться от погони. Повозка с ранеными уже далеко. Осталось выиграть ещё немного времени, чтобы наверняка спасти раненых.

К Мальцеву подошёл Паша Шестаков и торопливо заговорил:

– Надо взять правее. В этом месте дорогу низина пересекает, там сейчас воды по пояс и течение. Единственный способ от фрицев оторваться.

– Нам не только оторваться надо, а вывести из строя бронетранспортёр и хотя бы один из мотоциклов. На оставшемся «Цундаппе» они не рискнут дальше соваться.

– У меня три гранаты. Могу к броневнику подобраться и шарахнуть.

– Нет, Паша. Хватит тебе судьбу испытывать. Найдутся поопытнее бойцы.

Группа выбралась к дороге. Маячивший на пригорке бронетранспортёр был недосыгаем. Два пулемёта не подпустят близко никого. К нему лучше не соваться, а попробовать увести машину к затопленной низине. По мотоциклу «Цундапп» открыли огонь снайпер Грицевич и Луков Иван из «дегтярёва».

Врезали вроде удачно. Водитель, сидевший за рулём, дёрнулся и неподвижно застыл, навалившись телом на бензобак. Пулемётчик в коляске был тяжело ранен, успел дать короткую очередь и сполз на землю.

Группа бежала в сторону низины. Луков оглянулся и потянул Мальцева за рукав.

– Там пулемёт хороший остался, ленты к нему. Взять бы...

Но с пригорка уже вёл огонь сразу из двух пулемётов экипаж «Бюссинга».

– Уходим, – подтолкнул Ивана Лукова лейтенант. – Дорога простреливается.

Группа побежала дальше. Андрей Силаев, семнадцатилетний подпольщик, пришедший в отряд с двустволкой, пригнувшись, бежал к мотоциклу. Он успеет снять скорострельный «МГ-42», забрать ленты и взорвать мотоцикл гранатой.

– Андрюха, назад! – успел крикнуть вслед его ровесник Паша Шестаков, уже имевший достаточный опыт.

Но семнадцатилетний парень не думал об опасности, не осознавая, на какой риск он идёт. Есть возможность добыть для отряда хороший пулемёт, проявить себя как бесстрашный боец. А в семнадцать лет смерти не бывает. Прорвёмся!

Андрей добежал до «Цундаппа» и отщелкивал зажимы, которыми был закреплён «МГ-42», потянулся за коробкой с лентой.

Пуля ударила его в бок, свалила на мокрую листву. У парня хватило сил подняться, но следующая очередь перехлестнула ноги, полетели осколки разбитого цилиндра.

Николай Мальцев остановился. Пулемёты «Бюссинга» догоняли длинными очередями группу. Лейтенант понял, что Андрея уже не спасти.

– Бегом! – закричал он, подгоняя бойцов.

Опережая бронетранспортёр, вперёд вырвался второй мотоцикл. Имелся приказ брать «лесных призраков» живьём. Он тоже вёл огонь на ходу из пулемёта и остановился возле сто-

явшего на обочине «Цундаппа». Парень в окровавленном бушлате и пилотке со звёздочкой откручивал колпачок трофейной гранаты-«колотушки» «М-24».

Водитель дал газ, и взрыв ударил позади мотоцикла, продырявив осколками колёса. «Цундапп», возле которого взорвал себя Андрей Силаев, горел. Отползал прочь тяжело раненный пулемётчик. К нему на помощь подбежал один из мотоциклистов, но в коляске стали рваться патроны. Вспыхнул бак с бензином, пулемётчик угодил под струю пламени.

Мотоциклист тащил своего камрада за руки, тот извивался и кричал – горели промасленные брюки. Солдаты полевой жандармерии не раз сжигали русских крестьян, заподозренных в связях с партизанами. Из амбаров, где горели заживо враги рейха, нёсся сплошной вопль обречённых людей, кто-то выкрикивал слова проклятий, другие молились.

Вспоминал ли об этом горевший пулемётчик? Вряд ли. Его вытащили из огня, окунули в лужу, чтобы сбить огонь. Но это не могло спасти двадцатилетнего парня из маленького городка на Эльбе возле знаменитого города Дрезден. Слишком тяжёлыми были ожоги, от которых он потерял сознание. Пулемётчик был активистом гитлерюгенда, добровольцем пошёл на войну, заслужив Железный крест и две медали.

Возле осевшего на пробитые колёса второго «Цундаппа» на несколько секунд остановился бронетранспортёр. Старший экипажа, унтер-офицер, крикнул мотоциклистам:

– Снимайте пулемёт и догоняйте русских. Их надо отрезать от леса. А через дорогу мы их не пропустим.

Мотоциклист, обер-ефрейтор, доложил:

– Здесь тяжело раненный из первого экипажа. Парень сильно обожжён.

– Оставь возле него водителя, а сам вместе с помощником догоняйте бандитов. Их всего пятеро, но рядом могут прятаться другие. Они знают, что их ждёт, и мечутся по лесу.

Унтер-офицер ощущал себя хозяином положения. Два скорострельных «МГ-42» способны выкосить целый отряд «лесных призраков», выпуская сорок пуль в секунду. «Бюссинг» снова набрал скорость, а унтер-офицер внимательно вглядывался в голый по-зимнему лес, сжимая рукоятку пулемёта.

Насчёт того, что русские бестолково мечутся в поисках спасения, он ошибался. Мальцев оставил в кустах возле дороги снайпера Грицевича и капитана Сологуба. Сологуб должен был бросить гранату с усиленным зарядом – трофейную «М-24» и прикрученную к ней пластину тротила. Кроме того, он имел связку из трёх гранат.

– Не промахнись, Миша. От тебя многое зависит.

Лейтенант Мальцев впервые назвал Сологуба по имени и даже улыбнулся.

– Не подведу, товарищ лейтенант, – бодро отозвался капитан.

– Не козырай. Мы тут одна семья.

Мальцев вместе с пулеметчиком Иваном Луковым и Пашей Шестаковым добежали до низины. Шум талой воды, мутным потоком пересекающей дорогу, был слышен издали. Переводя дыхание после быстрого бега, все трое залегли на обочине.

Они успели вовремя. Через минуту хлопнул выстрел снайперской винтовки, ударил взрыв усиленной гранаты и заработал пулемёт.

– Сейчас капитан его связкой добьёт, – бормотал Паша Шестаков.

Но длинные очереди рассыпал уже второй пулемёт «Бюссинга», а спустя несколько минут из-за поворота показался приземистый бронетранспортёр.

– Чёрт, прорвался фашист, – припав к «дегтярёву», бормотал Иван Луков. – Разучился капитан воевать.

– Или струсил, пекарь хренов, – со злостью обронил Паша Шестаков.

Мальцев промолчал, двигая поближе гранаты.

А на дороге неподалёку от низины произошло следующее. Полугусеничный бронетранспортёр «Бюссинг» шёл на скорости, рассчитывая догнать группу диверсантов. Унтер-офицер смотрел вперёд, готовый открыть огонь из пулемёта над кабиной водителя. Второй пулемётчик посылал очереди из своего «МГ-42», установленного на борту «Бюссинга». Пули скашивали мелкие деревья и кустарник на обочине. Настороженно оглядывались по сторонам автоматчики.

– Михаил, бросаешь гранаты сразу после выстрела, – напомнил капитану снайпер Грицевич.

– Ты бортового пулемётчика прикончи. Он голову не даст поднять.

Сержант Грицевич не промахнулся. Пуля ударила немца под горло, он сползал, сжимая рукоятку «МГ-42». Трассеры шли вверх сплошной неприцельной очередью. Михаил Сологуб привстал на колени, выдернул запальный шнур, но в его сторону уже стреляли два автоматчика и разворачивал свой пулемёт унтер-офицер. Пули жутко ввинчивались в воздух, как косой, смахивали кусты. Капитан невольно пригнулся.

– Бросай, в руках взорвётся! – кричал Василь Грицевич.

Утяжеленная граната, брошенная наспех, задела куст и взорвалась, не пролетев и половину расстояния до «Бюссинга». Водитель прибавил газ, а из бортового пулемёта вёл огонь второй номер расчёта.

Сержант выдернул связку гранат из руки вжавшегося в землю Сологуба, но бронетранспортёр был уже далеко. Машина быстро приближалась к низине.

– Догоняем, – коротко скомандовал Грицевич и поднялся, держа в руке связку.

Следом поднялся Сологуб. Лицо перекосила вздувшаяся багровая полоса. Срезанный пулей ивовый прут хлестнул его и рассёк бровь.

– Меня ранило. Глаз... глаз целый?

– Тише, – оборвал его пограничник, воевавший с июня сорок первого года. – Лежи и не двигайся.

Он увидел двух бегущих немецких солдат с полукруглыми бляхами на груди (отличительный знак полевой жандармерии) – это были мотоциклисты, один из них нёс на плече пулемёт. Через секунду Грицевича увидели немцы. Один из них вскинул автомат, второй перехватывал поудобнее свой «МГ-42» с заряженной лентой.

– Нидер (ложись)! – выкрикнул Грицевич.

Ему требовалось несколько секунд, чтобы выдернуть запальный шнур и швырнуть тяжёлую связку в цель. Обер-ефрейтор с пулемётом и его напарник, уже готовые открыть огонь, увидели летевшую связку и бросились на землю.

Взрыв оглушил обоих немцев. Осколки разорвали куртку на спине обер-ефрейтора и ранили его. Зато быстро приподнялся второй мотоциклист и вскинул автомат. Белорус, три года назад ушедший на службу, с тоской понял, что не успеет передёрнуть затвор винтовки. На Михаила Сологуба он не надеялся.

Однако произошло неожиданное. Растерянный, напуганный хлестким ударом в лицо капитан сумел выхватить пистолет. Обойма вылетела за считанные секунды. Автоматчик скорчился на мокрой траве, обер-ефрейтора добил Василь Грицевич.

Когда, собрав трофеи, они подбежали к низине, там всю шла стрельба. Унтер-офицер попытался перемахнуть мутный поток, но пятитонный «Бюссинг» завяз в промоине. Огонь двух пулемётов не давал бойцам приблизиться к машине.

Гранаты приходилось швырять издали, они взрывались, не долетая до бронетранспортёра. Когда «Бюссинг» понемногу стал выбираться из ловушки, Мальцев дал приказ отходить.

Шли быстрым шагом. Михаил Сологуб с перевязанным глазом напоминал пирата. На плече капитан нёс трофейный пулемёт. Неудачную попытку взорвать «Бюссинг» и явную нерешительность капитана Мальцев не вспоминал.

Сологуб спас Грицевича, несли трофейный пулемёт, ценную вещь для отряда, и, кажется, оторвались от погони. Жалели смелого парня Андрея Силаева, но без потерь редко обходилась любая вылазка. То, что сумели выйти живыми из боя пять человек, было уже удачей.

Оживлённые разговоры понемногу смолкли. Люди вымотались и устали, но продолжали шагать по мокрой листве, переходя вброд многочисленные весенние ручьи. Скорее бы добраться до своих.

Глава 3

Новое пополнение

Во второй половине апреля была наконец налажена связь с партизанскими отрядами «Смерть фашизму» и «Сталинцы». Первым дал о себе знать Павел Коробов. Его конный отряд «Смерть фашизму» был небольшим по количеству, но действовал активно, нанося немцам и полицаям постоянные удары.

Младший лейтенант Коробов ушёл в запас после тяжёлого ранения, полученного на Финской войне. Работал в комсомоле, а затем возглавил районный комитет Осоавиахима. Он хорошо знал не только свой район, но и область. Энергичный и деятельный по натуре, Коробов, несмотря на повреждённую ногу, был хорошим наездником.

Его мобильный отряд (30–40 конных партизан и несколько пулемётных тачанок) не отсиживался на одном месте, наносил очередной удар и тут же исчезал. Зимой отряд понёс большие потери, когда взрывали Витемский мост, а затем не раз попадал в кольцо окружения, каждый раз прорываясь с боем.

Павел Коробов в гимнастёрке с медалью «За отвагу» и старыми лейтенантскими знаками различия «кубарями» сидел в землянке у Журавлёва, слушал последние новости, сам рассказывал об отрядных делах.

– Часть людей в феврале пришлось по домам распустить. Раненые, обмороженные, лошадей подлечить требовалось. Сейчас в строю тридцать бойцов. Правда, тачанки и станковые пулемёты почти все потеряны, когда первый раз Витемский мост взорвать пытались.

– Тогда все большие потери понесли, – покачал головой Журавлёв. – Торопили нас, быстрее, быстрее... ну и нарвались.

Высокий, перепоясанный портупеей, с «маузером» в деревянной кобуре, молодой командир отряда выглядел, как всегда, подтянуто.

– Где «маузером» разжился? – спросил Журавлёв.

– Там же, где и автоматом, – показал на трофейный «МП-40» Коробов. – Немецкий гарнизон тряхнули в Берёзовке. Они думали, если бездорожье, то мы их не достанем. Достали! Десятка полтора фрицев перебили, полицаяв несколько человек, грузовиков пару штук сожгли, мотоциклов три штуки.

– Каратели в Берёзовке и ближних деревнях полторы сотни заложников расстреляли, – хмуро заметил Фёдор Кондратьев, которому не понравился самоуверенный тон Коробова. – Часть людей живём сожгли.

Павел недовольно засопел и подвинул ближе бутылку рома, привезённую с собой.

– За встречу выпьем или поучать меня будете? Ты, Фёдор, когда эшелон взрывал, шестерых ребят-путейцев угробил. Даже следов от них не нашли. Зато паровоз и четыре танка уничтожил. Великая победа!

– Ладно, хватит! – хлопнул ладонью по столу Журавлёв. – Открывай свой ром, а ты, Фёдор, насчёт закусьте позаботься.

– Вы тут все в новой форме, со звёздами, с орденами.

– Одну пару лейтенантских погон мы тебе уступим. Носи, красуйся.

– Как насчёт представлений на медали или ордена? – разливая в кружки ром, спросил Коробов. – Что, мои ребята плохо воюют?

– Готовь бумаги человек на пять-семь, – согласно кивнул Журавлёв. – Нас тоже не сильно балуют. А на тебя, Павел, я сам представление напишу.

– Числился бы в нашем отряде, – завёл давнюю тему комиссар Зелинский, – давно бы с наградами ходил.

Зелинский всячески добивался, чтобы Коробов влился в отряд «Застава». Можно было бы рапортовать об укреплении отряда. Тридцать-сорок конных бойцов сразу бы подняли боевую силу, а там и бригаду можно формировать. А это повышение авторитета комиссара, перспектива более высокого звания.

Но младший лейтенант Коробов предпочитал воевать самостоятельно, хотя некоторые операции проводили совместно. Журавлёв не настаивал на объединении. У Павла Коробова своя тактика, воюет он активно, значит, нечего огород городить. Переводя разговор, капитан поднял тост за победу, затем попросил:

– Ты, Павел Семёнович, выдели для нашего старшины десяток-другой патронов к «маузеру». Если запас, конечно, имеется.

– Чего же не поделиться?

Коробов протянул старшине Будько две обоймы.

– Фриц запасливый был. И стрелял неплохо. Только мы ему не дали разогнаться.

На встрече обсудили будущие совместные операции. К Первому мая, как водится, собирались нанести два-три крепких удара в честь пролетарского праздника. Уезжая, Коробов оставил в подарок свою запасную лошадь.

– Нет у вас кавалеристов, – поддел он Зелинского. – Пользуйтесь моей добротой.

Расстались тепло. Приятно осознавать, что неподалёку находятся боевые друзья, на которых можно рассчитывать в трудную минуту.

Отряд «Сталинцы», которым командовал лейтенант Андрей Зиняков, тоже провёл несколько операций. В сорок втором году это был самый крупный отряд в округе, и руководил им бывший директор совхоза Илья Бажан. Отряд долгое время практически бездействовал. Когда каратели и полицаи окружили и начали уничтожать разложившийся от бездействия отряд, командование взял на себя лейтенант Зиняков, занимавший скромную должность командира взвода.

Он собрал в кулак уцелевших партизан, организовал отпор и с боем вывел остатки «Сталинцев» в безопасное место. В эти тяжёлые дни «Сталинцам» хорошо помог особый отряд НКВД «Застава», устроив несколько диверсий на дорогах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.